Мой любимый sputnik

Автор:
Харуки Мураками

Мой любимый sputnik

Харуки Мураками

…Эта женщина любит Сумирэ. Но не чувствует к ней никакого сексуального влечения. Сумирэ любит эту женщину и хочет ее. Я люблю Сумирэ, и меня к ней влечет. Я нравлюсь Сумирэ, но она не любит и не хочет меня. Я испытываю сексуальное влечение к одной женщине – имя неважно. Но не люблю ее. Все так запутано, что сильно смахивает на какую-нибудь экзистенциалистскую пьесу. Сплошные тупики, никто никуда не может выйти. Должны быть альтернативы, но их нет. А Сумирэ в одиночестве уходит со сцены…

«Мой любимый sputnik» (1999) – классика современной японской литературы Харуки Мураками, один из самых загадочных романов конца XX века, – впервые на русском языке.

Харуки Мураками

Мой любимый sputnik

Haruki MURAKAMI

SUPUTONIKU NO KOIBITO

Copyright © Haruki Murakami, 1999

© Перевод. Н. Куникова, 2013

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

СПУТНИК – 4 октября 1957 г. с космодрома «Байконур» (Казахская ССР) Советский Союз запустил первый в истории человечества искусственный спутник Земли – «Спутник-1». Диаметр «Спутника-1» – 58 см, вес – 83,6 кг, он совершил один виток вокруг Земли за 96 мин 12 сек.

Месяц спустя, 3 ноября, так же успешно стартовал «Спутник-2» с собакой Лайкой на борту. Она стала первым животным, отправленным в космическое пространство, но, поскольку «Спутник-2» не вернулся обратно на Землю, Лайку постигла участь жертвы биологических исследований в космосе.

«Хроника Всемирной Истории», издательство «Кодансия»

1

В ту весну Сумирэ исполнилось двадцать два года, и она впервые в жизни влюбилась. Сумасшедшая любовь обрушилась на нее, как смерч, способный вмиг опустошить бескрайнюю равнину: все, что имеет хоть какую-то форму и попадается на пути, он сметает под корень, без разбору швыряет в небо, ни за что ни про что кромсает в клочья и корежит до неузнаваемости, после чего, нимало не утратив мощи, уносится к Тихому океану, безжалостно рушит Ангкор Ват, по пути, в индийских лесах, испепеляет семейство несчастных тигров, в персидской пустыне превращается в самум и хоронит в песке целый экзотический город-крепость. В общем, любовь поистине монументальная. Человек, в которого Сумирэ влюбилась, был старше ее на семнадцать лет. Семейный человек. И кроме всего прочего – женщина. Вот с чего все началось. На этом все и закончилось. Почти все…

В то время Сумирэ буквально из кожи вон лезла, чтобы стать профессиональным писателем. Какое бы великое множество путей-дорог ни дарила ей жизнь, для Сумирэ не существовало иного выбора – писателем, и точка. Решимость ее была тверда, как тысячелетняя скала. Ни о каком компромиссе речи не шло. Смысл существования Сумирэ и ее вера в Литературу были плотно спаяны друг с другом – волосок бы не пролез.

Сумирэ окончила муниципальную повышенную среднюю школу[1 - Повышенная средняя школа (или «школа второй ступени») – школа для 15–18-летних учеников. (Здесь и далее прим. перев.).Переводчик выражает благодарность Юки Йосиока.] в префектуре Канагава. Затем поступила на литературное отделение скромного и тихого частного института в Токио. Однако заведение было явно не для нее. Все, чему там учили, оказывалось неувлекательным, вялым и абсолютно неприменимым на практике – разумеется, в понимании Сумирэ. Ничто не соответствовало ее представлению о том, как оно должно быть. Короче – сплошное разочарование. Большинство окружающих студентов были безнадежными занудами, заурядными второсортными экземплярами, к числу которых, по правде сказать, принадлежал и я. Вот почему перед третьим курсом Сумирэ с легким сердцем написала заявление и покинула стены института. Решила, что оставаться и дальше в таком месте, – лишь попусту тратить время. А может, она была права. Наверное. Однако, если можно, осмелюсь высказать здесь свою очень банальную, заурядную мысль. Мне кажется, в нашей далекой от совершенства жизни должно быть хоть чуточку бесполезного. Если все бесполезное улетучится, жизнь потеряет даже свое несовершенство.

В общем, Сумирэ была неисправимым романтиком, личностью весьма упертой, ко всему относилась несколько отстраненно и с долей скепсиса, но реальной жизни совсем не знала. Временами, если на нее находил стих поболтать, она могла говорить бесконечно. Правда, если собеседник оказывался «не ее человеком» по духу – а к таким относилась большая часть человечества, – она почти не раскрывала рта. Сумирэ дымила, как паровоз, а когда ехала в метро, обязательно – сто процентов – теряла билет. Частенько, погрузившись в свои мысли, начисто забывала о еде и была тощей, как военные сироты из старых итальянских фильмов, – одни глаза. Чем объяснять словами, лучше, конечно, просто показать ее фотографию, но, к сожалению, у меня нет ни одной. Она ужасно не любила сниматься и совсем не стремилась оставить потомкам «портрет Художника в юности». Хотя если бы сохранились снимки Сумирэ того

времени, они могли бы несомненно стать уникальным документом, запечатлевшим некие совершенно особые качества человеческой натуры. Но увы…

Забегая вперед, скажу, что женщину, в которую влюбилась Сумирэ, звали Мюу. По крайней мере, ее все так называли – уменьшительно. Ее настоящего имени я не знаю. (И не знал, из-за чего в один прекрасный день попал в довольно затруднительное положение, но об этом позже.) Мюу была кореянкой, но почти ни слова не говорила по-корейски до двадцати с лишним лет, когда решительно взялась за изучение языка. Мюу родилась и выросла в Японии, стажировалась во французской Консерватории и поэтому, кроме японского, свободно владела французским и английским. Она была всегда безупречно и со вкусом одета, носила небольшие, но дорогие украшения – как-то буднично, равнодушно – и водила двенадцатицилиндровый темно-синий «ягуар».

Когда они впервые встретились, Сумирэ заговорила о Джеке Керуаке. В то время Сумирэ нырнула в его книги с головой. Она периодически меняла своих литературных идолов, но тогда ее увлек уже несколько вышедший из моды Керуак. У нее в кармане всегда лежали «На дороге» или «Одинокий странник», и, как только выпадала минутка, Сумирэ утыкалась в книжку. Особо удачные строки она подчеркивала и заучивала наизусть, словно бесценные буддийские сутры. Больше всего ей в душу запал эпизод из «Одинокого странника» – о пожарной вахте в горах. На вершине стояла хижина, где Керуак провел три месяца один-одинешенек – работал пожарным наблюдателем.

Сумирэ цитировала эти строки:

«Человек должен хоть раз в жизни оказаться в кромешной глуши, чтобы физически испытать одиночество, пусть даже задыхаясь при этом от скуки. Почувствовать, как это – зависеть исключительно от себя самого, и в конце концов познать свою суть и обрести силу, ранее неведомую».

– Разве это не прекрасно? – спрашивала меня Сумирэ. – Каждый день стоишь на вершине, обозреваешь окрестность на 360 градусов и высматриваешь, не

поднимается ли из-за какой-нибудь горы черный дым. Вот и вся работа на целый день. А потом – читай любимые книги, пиши романы. По ночам вокруг хибары бродят огромные мохнатые медведи. Вот это жизнь – как раз то, что мне нужно! А моя учеба на литературном отделении? По сравнению с этим – бессмысленная, как кончик огурца.

– Есть только одна проблема: когда-нибудь все равно придется слезть с горы, – высказался я. Однако мое приземленное банальное суждение – впрочем, как и всегда – не вызвало в ее душе особых колебаний.

Сумирэ всерьез мучилась над тем, как бы ей стать похожей на героев Керуака, быть такой же «wild», «cool» – дикой, крутой – и чтобы всего этого было «через край». Ходила, засунув руки в карманы, волосы нарочно всклокочены и торчат в разные стороны. Носила очки в черной пластиковой оправе, как у Диззи Гиллеспи, хотя зрение имела вполне приличное, отсутствующим взглядом смотрела в небо. Обычно одевалась в мешковатый твидовый пиджак, который, похоже, купила в лавке старьевщика, и грубые тяжелые ботинки. Уверен – если б могла, она точно отпустила бы себе бороду и усы.

Сумирэ нельзя было назвать красавицей в обычном понимании. Щеки впалые, рот широковат. Нос маленький, кончик слегка вздернут. Сумирэ чувствовала тонко, любила юмор, но сама редко смеялась в голос. Она была маленького роста, но даже в самом хорошем настроении говорила так, словно готова ринуться в бой. Вряд ли за всю свою жизнь Сумирэ хоть раз держала в руках губную помаду или карандаш для бровей. Сомневаюсь, знала ли она, что у лифчиков, вообще-то, существует размер. При всем том нечто в Сумирэ притягивало сердца. Что особенного в этой девушке – словами не объяснишь. Достаточно было просто заглянуть ей в глаза – там всегда отражалось это «нечто особенное».

Ладно, что бродить вокруг да около… Я любил Сумирэ. С самых первых слов, которыми когда-то мы перекинулись, любовь захватила меня, и постепенно я понял: всё, назад дороги нет. Долгое время никого и ничего, кроме нее, для меня не существовало. Конечно, я несколько раз порывался рассказать ей о своих чувствах. Но почему-то, когда она была рядом, я никак не мог найти подходящие слова. А может, в конце концов даже и лучше, что так вышло. Ведь умудрись я

как-то донести до нее свою любовь, она уж точно от смеха бы лопнула.

Покуда я «дружил» с Сумирэ, у меня было две-три девушки, и с ними я встречался. (Не то чтобы я не помнил, сколько их было точно. «Две-три» – зависит от того, как считать.) Если добавить еще и тех, с кем я спал всего раз или два, список окажется чуть длиннее. Когда мое тело занималось любовью с этими девушками, я часто думал о Сумирэ. То есть где-то в уголке моего мозга – иногда я чувствовал это сильнее, иногда слабее – надежно хранился ее образ. Часто, обнимая другую, я представлял, что на самом деле со мной Сумирэ. Конечно, с моей стороны это было не очень честно. Но что толку рассуждать «честно – нечестно», если я просто не мог иначе.

Итак, вернусь к тому, как Сумирэ познакомилась с Мюу. Мюу слышала раньше имя Джека Керуака и даже смутно припоминала: вроде он был писателем. Но что это был за писатель, она не помнила напрочь.

– Керуак? Хм… Это который был м-м… «спутником», что ли?

Сумирэ сразу даже не поняла, о чем, собственно, речь.

Нож с вилкой так и застыли у нее в руках, и она задумалась. – Спутник? Искусственный спутник Земли, который Советский Союз первым запустил в начале 50-х? Да, но Джек Керуак – американский романист. Ну да, по времени они, конечно, совпадают, но…

– А разве не так назывались тогда писатели вроде Керуака? – спросила Мюу и кончиком пальца очертила на столе круг. Словно память ее была сосудом причудливой формы, на дне которого она и пыталась на ощупь отыскать нужное воспоминание.

– Спутник?..

– Ну да, название литературного направления. Так ведь часто говорят: «Существует такая-то школа…» Точно-точно. Как «Сиракаба»[2 - «Сиракаба» (яп. «белая береза», 1910–1923) – литературная группа, с деятельностью которой связаны имена писателей-неогуманистов Такэо Арисима, Наоя Сига, Санэацу

Мусякодзи.].

Тут, наконец, до Сумирэ дошло.

– Битник!

Мюу слегка промокнула губы салфеткой.

– Битник, спутник… Вечно я термины эти забываю. Всякие там «Реставрации Кэмму»[3 - Реставрация Кэмму (1334) – восстановление единоличной императорской власти в Японии императором Го-Дайго после периода, когда реальная власть в стране принадлежала военному правительству, т. н. «бакуфу».], «Рапалльские договоры». Да ну их, все это – дремучая история.

Ненадолго воцарилось легкое молчание, как бы напоминая о течении времени.

– Рапалльские договоры? – переспросила Сумирэ. Мюу улыбнулась. Словно выдвинули ящик, к которому не прикасались целую вечность, и вытащили из его глубины на свет божий эту улыбку – милую улыбку близкого и родного человека. Мюу удивительно красиво прищурилась. Затем протянула руку и узкими длинными пальцами еще больше взъерошила и без того торчавшие в разные стороны волосы Сумирэ – так просто и естественно, что Сумирэ невольно поддалась на этот жест и тоже улыбнулась.

С того дня Сумирэ стала про себя называть Мюу «мой любимый спутник». Она обожала звучание этого слова – «спутник». Напоминало о собаке Лайке. Искусственный спутник Земли бесшумно рассекает тьму космоса. Из маленького иллюминатора смотрят черные и такие славные собачьи глаза. Что вообще она там видела, эта псина, посреди бескрайнего космического одиночества?

Разговор о спутнике зашел на банкете по случаю свадьбы двоюродной сестры Сумирэ. Банкет устроили в фешенебельной гостинице в Акасака. Сумирэ не испытывала особой приязни к своей кузине (более того – на дух ее не переваривала), да и все эти обязательные приемы были для нее сущей пыткой. Просто в тот раз она почему-то не сумела отказаться. Их места с Мюу оказались

рядом, за одним столом. Мюу особо не вдавалась в подробности: то ли она давала кузине Сумирэ уроки игры на фортепиано, когда та поступала в музыкальный институт, то ли как-то иначе ей помогала. Знакомы они были не давно и не близко, просто невеста хотела выразить Мюу свою признательность, потому и пригласила на свадьбу.

Сумирэ влюбилась моментально – в ту секунду, когда Мюу дотронулась до ее волос, – можно сказать, почти рефлекторно. Словно идешь по широкому полю, и вдруг – бабах! – тебя прошибает молния. В точности как божественное откровение, которое переживает Художник – вот так это было. И то, что Сумирэ угораздило влюбиться в женщину, в тот момент для нее не имело ровно никакого значения.

Насколько я знаю, у Сумирэ не было «любимого», как это принято называть. В старших классах у нее водилось несколько приятелей – так, сходить в кино, поплавать вместе в бассейне. Но, думаю, все это для Сумирэ было не очень серьезно. Почти все ее мысли постоянно и неизменно занимало лишь одно страстное желание: стать писателем. Не похоже, чтобы Сумирэ могла так же сильно, всем сердцем прикипеть к кому-то из тех молодых людей. Даже если у нее и был секс (или что-то вроде того) в старших классах, скорее всего, случалось это не по любви или влечению, а из «литературного любопытства».

– Знаешь, а я правда не догоняю, что это за штука такая – «половое влечение», – в один прекрасный день, незадолго до того, как бросить институт, поведала мне тайну Сумирэ. С исключительно серьезным лицом: она выпила уже пять «банана дайкири» и прилично набралась. – Ну как это вообще наступает, на что похоже? Ты бы сам как объяснил?.. Все это?

– Половое влечение – не то, что понимаешь мозгами, – изрек я свое очередное исключительно уместное замечание. – Оно просто существует – и все. Точка.

Сумирэ уставилась на меня и некоторое время пристально изучала мое лицо, будто перед нею возник механизм, приводимый в действие какой-то диковинной движущей силой. А затем, потеряв ко мне всякий интерес, переключилась на изучение потолка. На этом разговор иссяк. Видимо, она решила, что беседовать со мной на подобные темы – гиблое дело.

Сумирэ родилась в Тигасаки[4 - Тигасаки – город на побережье залива Сагами (Тихий океан) с населением более 200 тыс. чел. В сознании широкой японской общественности ассоциируется с Калифорнией, как о ней пела группа «Mamas & Papas»: яхты, серфинг и прочие радости сладкой жизни. Сам залив Сагами часто называют «восточный Майами-бич».]. Ее дом стоял почти у самого океана, и часто ветер с песком сухо стучался в стекла. Отец Сумирэ был стоматологом и держал практику в Йокогаме. Он был невероятно красив – особенно впечатляла безукоризненная линия носа: благодаря ей он был очень похож на Грегори Пека времен «Завороженного». К сожалению, как говорила сама Сумирэ, отцовский нос по наследству ей не достался. Ни ей, ни ее младшему брату. «Вот странно, – часто думала она, – ген, что вызвал к жизни такой красивый нос, просто куда-то исчез. А если он погребен где-нибудь на дне генетической реки? Ведь это же настоящий урон для Культуры». Столь прекрасен был этот нос.

Не удивительно, что в Йокогаме и окрестностях невероятно красивый отец Сумирэ был легендой для всех женщин, которые хотели избавиться от разных зубных дефектов. Он вел прием в хирургической шапочке, натянутой до бровей, и большой марлевой маске. Пациенты лицезрели только уши и глаза доктора. Но даже в таком виде красота его была очевидна: прекрасный нос величественно и сексуально возвышался под маской. При первом же взгляде на него большинство пациенток заливались краской и, позабыв, что медицинская страховка здесь не работает, в мгновение ока влюблялись.

Мать Сумирэ умерла еще молодой, в тридцать один год: у нее был врожденный порок сердца. Сумирэ тогда не исполнилось и трех лет. О матери она помнила одно – слабый запах ее кожи. Фотографий мамы почти не осталось, всего две-три: официальная – со свадьбы – и несколько моментальных снимков с Сумирэ, сразу после родов. Сумирэ вытаскивала старые альбомы и часто их рассматривала. Если говорить только о внешности, мать Сумирэ – выражаясь самым деликатным образом – «не производила особого впечатления». Маленького роста, прическа – никакая, при взгляде на одежду хотелось задать вопрос: «Что это было?», на лице – неприятная усмешка. Казалось, сделай она шаг назад – и сольется со стеной. Сумирэ изо всех сил старалась впечатать в память черты материнского лица. Тогда, наверное, они смогли бы встретиться во сне, взялись бы за руки и стали говорить друг с другом. Говорить и говорить. Но ничего не получалось. Как только Сумирэ начинало казаться: все, запомнила! – это лицо тут же уплывало из памяти. Куда там во сне – если бы они столкнулись на дороге средь бела дня, Сумирэ, скорее всего, прошла бы мимо,

так маму и не узнав.

После маминой смерти отец почти никогда вслух не вспоминал о ней. Он вообще был не слишком разговорчив и, кроме того, стремился избегать любых проявлений чувств, словно эмоции – сродни инфекционным заболеваниям полости рта. Сама Сумирэ не помнила, чтобы когда-нибудь расспрашивала отца о маме. Пожалуй, лишь раз, еще совсем маленькой, она почему-то спросила: «А какой вообще была моя мама?» Тот разговор с отцом отпечатался в ее памяти очень четко.

Отец отвел взгляд и ненадолго задумался. Затем произнес: «У нее была очень хорошая память. И красивый почерк».

Ну не странное ли описание человека? Я-то считаю, он должен был сказать своей маленькой дочке такое, что отложилось бы глубоко в ее сердце. Какие-то слова, которые смогли бы дальше согревать и питать ее душу. Ведь в жизни здесь, на третьей планете Солнечной системы, дочери надеяться особенно не на что, и слова эти как раз могли бы стать для нее стержнем и опорой, когда все идет вкривь и вкось. Сумирэ ждала, затаив дыхание: открыта первая белоснежная страница блокнота. Но увы, ее красавец-отец не сумел сказать этих слов, хоть и должен был суметь. Такой вот человек.

Когда Сумирэ исполнилось шесть лет, отец снова женился, и через два года на свет появился ее младший брат. Красотой новая мама Сумирэ тоже не отличалась. Еще у нее не было никакой выдающейся памяти, да и почерк – совсем неважный. Однако она была человеком добрым и справедливым. Маленькой Сумирэ, автоматически ставшей ее приемной дочерью, можно сказать, просто повезло. Нет, все-таки «повезло» – не то слово. Ведь как ни крути, выбор сделал отец. Насколько хорошим отцом он был – это еще вопрос, но вот в выборе спутницы жизни неизменно сохранял ум и реалистичный взгляд на вещи.

За все отрочество, которое у Сумирэ тянулось довольно долго, любовь мачехи к ней ни разу не пошатнулась. Даже когда Сумирэ заявила, что собирается бросить институт и заняться сочинением романов, мачеха, вообще говоря, с уважением отнеслась к такому стремлению, хотя у нее самой, конечно, имелось на этот счет свое мнение. Она радовалась, что Сумирэ с раннего детства запоем

читала книги, и всегда это поощряла.

Некоторое время мачеха всячески уговаривала отца, и в результате они договорились так: пока Сумирэ не исполнится двадцать восемь, отец поддерживает ее деньгами. Но если за это время ничего путного из дочери не выйдет, дальше она заботится о себе сама. Если бы не мачеха, Сумирэ – без гроша в кармане, толком не зная правил игры и не умея держать равновесие, – наверняка выбросило бы посреди того, что называют «реальностью». То есть – в дикую пустыню, которой не очень свойственно чувство юмора. (Конечно, Земля не вращается вокруг Солнца только для того, чтобы разбиться в лепешку, но обрадовать человека и сделать его счастливым.) И это еще не самое худшее, что могло случиться с Сумирэ.

Сумирэ встретила своего «любимого спутника», когда прошло чуть больше двух лет после того, как она бросила институт.

В то время она снимала однокомнатную квартиру в Китидзёдзи: минимум мебели и максимум книг. Просыпалась где-то в полдень, а во второй половине дня с энергией странника, прокладывающего себе путь в горах, отправлялась в парк Иногасира. В хорошую погоду сидела там на лавочке, жевала хлеб, одну за другой курила сигареты и читала книги.

Когда шел дождь или было холодно, Сумирэ отправлялась в одно вымирающее кафе, где всегда громко играла классическая музыка. Забиралась с книжкой на обтрепанный диван, читала и слушала с очень серьезным лицом: в один день – симфонии Шуберта, в другой – кантаты Баха. Вечером дома выпивала банку пива и ужинала готовой едой из супермаркета.

В десять вечера Сумирэ садилась за стол. До краев наполненный кофейник, большая кружка, которую я подарил ей на день рождения, с портретом Снусмумрика, пачка «Мальборо» и стеклянная пепельница. Все, что нужно. Ну и, конечно, «вапро»[5 - «Вапро» (от искаж. англ. word processor) – персональный компьютер с единственной функцией текстового редактора. В настоящее время не выпускаются.]. На каждой клавише – по одному письменному знаку.

Глубокая тишина. Голова ясная, как ночное небо зимой. Большая Медведица и Полярная звезда – на месте, где им положено быть, мерцают самым

надлежащим образом. И Сумирэ так много следует написать. Рассказать столько историй. Только бы найти правильный выход – хотя бы один – для раскаленных идей и мыслей. Тогда они лавой прорвутся наружу, и, несомненно, одно за другим на свет родятся исключительно оригинальные, интеллектуальные произведения. Люди наверняка вытаращат от изумления глаза, когда на литературной арене внезапно появится «новый масштабный автор, обладающий редким талантом». В газетных колонках культуры появятся фотографии Сумирэ с ее классной – «cool» – улыбкой, редакторы будут обивать ее порог.

Однако, к сожалению, ничего подобного не произошло. Дело в том, что Сумирэ так и не смогла заставить себя написать произведение, в котором были бы и начало, и конец.

Сумирэ на самом деле не знала, что такое «творческий тупик», и могла писать сколько угодно. Страдания типа «не могу написать ни строчки» были ей неведомы. Все, что сидело в голове, – одно за другим – Сумирэ легко обращала в предложения. Ее проблема заключалась в другом. Она писала чересчур много. Казалось бы: если написал слишком много, просто выкинь все лишнее, и дело с концом. Но для Сумирэ проблема так просто не решалась, поскольку сам автор не мог оценить, что нужно, а что нет, с точки зрения целого произведения. Когда утром она прочитывала напечатанное накануне, ей казалось, что либо из текста невозможно выбросить ни единой фразы, либо лучше вообще все уничтожить. Иногда в приступе отчаяния она рвала в клочья и выкидывала целую рукопись. Если бы дело было зимой, а в квартире Сумирэ горел камин, все это очень бы напоминало «Богему» Пуччини. Да и в комнате бы стало теплее. Но в ее однокомнатной квартире, разумеется, никакого камина не было. Куда там – не было даже телефона. Не говоря уже о мало-мальски приличном зеркале.

На выходных Сумирэ сгребала в кучу написанные страницы и заявлялась ко мне. И хотя притаскивала она только тех счастливчиков, которым удалось избежать геноцида, все равно страниц было довольно много. Во всем огромном мире для Сумирэ существовал лишь один-единственный человек, которому она могла показать свою рукопись: я.

В институте я учился двумя курсами старше, специальности у нас были разные, и наши пути особо не пересекались, так что познакомились мы с Сумирэ

абсолютно случайно. Был май, первый понедельник после весенних праздников, я стоял на автобусной остановке неподалеку от главного входа в наш институт и читал роман Поля Низана, который нарыл в букинистической лавке. Стоявшая рядом миниатюрная девушка, привстав на цыпочки, заглянула в мою книгу и спросила: «А чего ради читать сегодня какого-то Низана?» Вопрос был задан весьма враждебным тоном. Казалось, девушку распирало желание саданутъ ногой по какому-нибудь предмету, но за неимением чего-либо подходящего пришлось ограничиться вопросом. По крайней мере, я так это почувствовал.

Если говорить обо мне и Сумирэ вместе, во многом мы были очень похожи. Оба одинаково жадно читали книги – для нас это было так же естественно, как дышать. Когда выпадало свободное время, мы любили найти какое-нибудь спокойное место и там в одиночестве читать – бесконечно, страницу за страницей. Японские романы и зарубежные, новые произведения и старые, авангардистские и бестселлеры – если в них что-то возбуждало извилины, вопросов не было: книга оказывалась у нас в руках, и мы принимались за чтение. Мы рыскали по библиотекам, могли прекрасно провести время, целый день бродя по букинистическим магазинчикам в Канда. Впервые в жизни я встретил человека, который читал так же глубоко, много и жадно (я-то – понятное дело, но не обо мне речь). И у Сумирэ от встречи со мной осталось такое же впечатление.

Сумирэ завязала с учебой приблизительно в то же время, когда я заканчивал институт, но и потом она появлялась у меня дома два-три раза в месяц. Бывало, я тоже заходил к ней, но, поскольку места для двоих там точно не хватало, чаще Сумирэ приходила ко мне. Встречаясь, мы болтали в основном о прочитанных романах, обменивались книгами. Частенько я готовил Сумирэ ужин. Мне это было не трудно – тем паче, она относилась к тому типу людей, которые лучше умрут с голоду, чем что-нибудь для себя приготовят. В благодарность Сумирэ притаскивала для меня отовсюду, где подрабатывала, всякую всячину. Однажды со склада фармацевтической компании приволокла шесть пачек презервативов, по двенадцать штук в каждой. Наверное, до сих пор валяются у меня в каком-то ящике.

Романы (или их фрагменты), которые тогда писала Сумирэ, были вовсе не так ужасны, как ей казалось. Она еще не набила руку, чтобы писать тексты профессионально, и временами ее стиль напоминал лоскутное одеяло, которое в глубоком молчании сшила группа упрямых теток, у каждой – свой вкус, свои

болячки. Когда на этот рваный стиль накладывались особенности маниакально-депрессивной личности Сумирэ, письмо становилось просто неуправляемым. В довершение всего Сумирэ тогда была одержима идеей написать «полномасштабный роман» в духе грандиозных творений XIX века, который был бы под завязку напичкан всяческими феноменальными явлениями Души и Судьбы.

Тексты Сумирэ страдали определенными изъянами, но в них чувствовалась удивительная свежесть и читалось стремление автора прямо и до конца откровенно говорить о том важном, что было на душе. В любом случае Сумирэ не пыталась копировать чей-либо стиль или же ловко придавать своим вещам некую нужную форму. Мне это очень нравилось. Нельзя было лишать ее тексты энергии прямодушия и открытости ради аккуратной, удобоваримой литературной формы. В любом случае особо волноваться за Сумирэ не стоило, ведь у нее впереди еще было столько времени, чтобы, шагая по дороге жизни, заглянуть во все места, куда заблагорассудится. Как гласит пословица, «хорошо растет то, что растет медленно».

– Знаешь, в моей голове столько всего, о чем я хотела бы написать. Не голова – амбар какой-то! – говорила Сумирэ. – Разные образы, сцены, обрывки слов, облики людей – временами я вижу их как наяву: все залито ярким светом, все движется. Я слышу, как они кричат мне: «Пиши!» И предвкушаю начало замечательного рассказа. Мне кажется, я могу переместиться в какое-то новое место. Но как только приземляюсь за письменный стол и начинаю писать, тут же понимаю: что-то очень важное безвозвратно пропало. Нет никаких кристаллов – одна мелкая галька. И я никуда не улетаю.

Сумирэ нахмурилась, подобрала с земли уже, наверно, двухсотпятидесятый камушек и кинула его в пруд.

– Все-таки у меня чего-то не хватает, как с самого начала не было, – без чего никогда не станешь писателем. Чего-то очень важного.

На какое-то время повисло мертвое молчание. Казалось, она хотела услышать мою очередную банальную мысль.

Подумав, я начал.

– В древнем Китае города окружались высокими крепостными стенами, в которых было по несколько больших, прекрасных ворот. Считалось, что у ворот есть особый важный смысл: это не просто двери, через которые входят и выходят. Люди верили, что в воротах обитает или должен обитать некий дух города. Так же, как в средневековой Европе сердцем города было принято считать храм и площадь. Вот почему и сегодня в Китае сохранилось множество великолепных ворот. Ты знаешь, что делали древние китайцы, когда их строили?

– Нет, не знаю.

– Брали телеги и шли в те места, где когда-то шли бои. Там собирали уже побелевшие от времени кости воинов, погребенные под слоем земли или разбросанные на поверхности. Собирали все, что могли собрать. В Китае, с его богатой историей, таких мест хоть отбавляй. Потом у входа в город сооружали огромные ворота, в которые замуровывали эти кости. Для чего? Китайцы верили, что погибшие воины будут защищать город, поскольку их души, наконец, обрели покой. Да, и вот еще что. Когда ворота уже были готовы, китайцы приводили несколько собак, кинжалом перерезали им горло и окропляли ворота еще теплой собачьей кровью. Лишь когда высохшие кости соединяются со свежей кровью, старые души вновь наполняются сверхъестественной силой. Так полагали китайцы.

Сумирэ молча ждала продолжения.

– Когда пишешь книгу, происходит почти то же самое. Ты можешь собрать уйму костей и отгрохать прекрасные ворота, но книга – живая, дышащая – так и не получится. Истории в каком-то смысле к этой нашей реальности не имеют никакого отношения. Чтобы увязать друг с другом две плоскости – «Здесь» и «Там», – для настоящей Истории необходимо таинство Крещения.

– Значит, я должна где-то раздобыть себе собаку, так?

Я кивнул.

– А потом я должна пролить теплую кровь…

– Наверно.

Закусив губу, Сумирэ ненадолго ушла в свои мысли. Еще несколько несчастных камешков полетели в пруд.

– Если можно, я бы очень не хотела убивать животных…

– Конечно, это метафора, – сказал я. – Тебе вовсе не нужно по-настоящему убивать собак.

Как обычно, мы сидели рядом в парке Иногасира на любимой лавочке Сумирэ. Перед нами раскинулся пруд. Ветра не было. Опавшие листья качались на волнах, словно их плотно приклеили к поверхности. Неподалеку кто-то жег костер. В воздухе клубились ароматы конца осени, далекие звуки слышались невероятно отчетливо.

– Тебе, наверно, нужны просто время и опыт. Я так думаю.

– Время и опыт, – повторила Сумирэ и посмотрела в небо. – Время и так само по себе течет быстро. А опыт? Не говори мне об этом. Я вовсе этим не горжусь, но ведь у меня даже полового влечения никакого нет. О каком опыте может идти речь, если у писателя отсутствует половое влечение? Как повар без аппетита.

– Насчет влечения ничего не могу сказать, – ответил я. – Может, оно просто спряталось в каком-нибудь углу. Или же отправилось в далекое путешествие и забыло вернуться. А вообще любовь – такая абсолютно нелепая штука. Является ниоткуда, внезапно, и всё – попался. Может, это завтра случится, кто знает?

Сумирэ отвлеклась от неба и перевела взгляд на мое лицо.

– Как смерч над равниной?

– Можно сказать и так.

Некоторое время она представляла, как смерч проносится над равниной.

– Скажи, а ты сам видел когда-нибудь смерч?

– Нет, – ответил я. – Мусасино[6 - Мусасино – город в префектуре Токио.] – все-таки не то место, где можно встретить настоящий смерч. К счастью, надо сказать.

И вот, в один прекрасный день почти полгода спустя, как раз и случилось то, что я тогда чудесным образом предсказал. Сумирэ влюбилась – внезапно и несуразно. Со страстью смерча, налетевшего на равнину. В замужнюю женщину, на семнадцать лет ее старше – в своего «любимого спутника».

Оказавшись на свадьбе за одним столом, Мюу и Сумирэ, как и большинство людей в подобной ситуации, друг другу представились. Сумирэ терпеть не могла свое имя и по возможности старалась его лишний раз не произносить. Но все-таки если спрашивают, как тебя зовут, нельзя не ответить – хотя бы из соображений этикета.

По словам отца, имя «Сумирэ»[7 - Сумирэ (яп.) – фиалка.] выбрала ее покойная мать. Она обожала песню Моцарта «Фиалка» и давным-давно решила, что если у нее родится дочь, она обязательно назовет ее «Сумирэ». В гостиной на полке стояли «Песни Моцарта» – наверняка мама слушала именно эту пластинку, – и в детстве Сумирэ брала в руки тяжелый долгоиграющий диск, аккуратно ставила его на проигрыватель и по многу раз подряд слушала «Фиалку». Элизабет Шварцкопф – вокал, Вальтер Гизекинг – партия фортепиано. Слов она не понимала, но, слушая изящную мелодию, была уверена, что в песне поется о красоте фиалок, растущих в поле. Она представляла себе такую картину и очень любила этот образ.

Какой же шок испытала Сумирэ, когда обнаружила в школьной библиотеке японский перевод слов этой песни… Оказалось, поется в ней об одинокой фиалке девственной красоты, которая спокойно росла себе в поле, пока трагически не погибла под башмаком какой-то беззаботной дочери пастуха. Причем девчонка даже не заметила, что раздавила цветок. Это было стихотворение Гёте, но в нем не было ничего утешительного или хотя бы поучительного.

– Почему же маме понадобилось выбрать для моего имени название этой чудовищной песни? – надулась Сумирэ. Мюу расправила кончики салфетки у себя на коленях и, улыбнувшись, посмотрела на девушку. Глаза Мюу были удивительно глубокого цвета. Намешано множество оттенков, но ни единой тени, ни облачка.

– А как вы думаете, мелодия этой песни прекрасна?

– Да, пожалуй. Мелодия, сама по себе – да.

– Знаете, для меня, если музыка прекрасна – этого достаточно. И потом, кто сказал, что все, чем мы довольствуемся в этом мире, должно быть исключительно красивым и безупречным? Ваша мама могла и не думать о каких-то словах – ей нравилась музыка. Но если вы так и будете сидеть и хмуриться, наверняка заработаете себе ранние морщины.

Сумирэ как-то справилась со своей недовольной гримасой.

– Возможно, вы и правы. Но меня это так угнетает, вы себе не представляете. Ведь имя – единственное, что осталось мне от мамы. Ну конечно, есть еще и я сама, но сейчас речь не об этом.

– Послушайте, «Сумирэ» – прекрасное имя. Мне очень нравится, – произнесла Мюу и чуть наклонила голову набок, словно предлагая взглянуть на вещи под несколько иным углом. – Кстати, ваш отец тоже здесь?

Сумирэ оглянулась и нашла глазами отца. Хотя они праздновали в огромном зале, сделать это оказалось нетрудно – отец был довольно высокого роста. Он сидел через два стола от Сумирэ, повернувшись в профиль, и о чем-то говорил со своим собеседником – невысоким пожилым мужчиной в morning coat[8 - Morning coat (англ.) – сюртук для утренних визитов.], судя по виду, человеком открытым и прямым. На губах отца играла улыбка – теплая, обезоруживающая настолько, что, казалось, способна растопить даже новехонький айсберг. Свет люстры мягко подчеркивал благородные очертания отцовского носа, вызывая в памяти силуэты эпохи рококо. Даже Сумирэ, привыкшая созерцать этот нос постоянно, не могла вновь не поразиться его красоте. Ее отец абсолютно гармонично вписывался в это формальное сборище. Само его присутствие придавало атмосфере этого места блеск и великолепие. Словно букет свежих цветов в

большой вазе или ослепительно черный «стретч-лимузин».

Увидев отца Сумирэ, Мюу на миг потеряла дар речи. Сумирэ услышала, как из ее груди вырвался легкий вздох. Когда тихим утром подкрадываешься к бархатной портьере, резко ее отдергиваешь и солнечным лучом будишь кого-то, очень для тебя важного, – вот как прозвучал этот вздох. «Наверно, стоило бы прихватить с собой театральный бинокль», – подумала Сумирэ. Впрочем, она уже давно привыкла к тому, что внешность отца драматическим образом действует на людей, в особенности – на женщин среднего возраста. А что вообще такое – эта «красота», в чем ее ценность? – всегда удивлялась Сумирэ. Однако никто не мог толком ответить на этот вопрос. Ясно одно: есть в красоте нечто такое, что действует на людей.

– Скажите, иметь такого красивого отца – это для вас как? – поинтересовалась Мюу. – Так, чисто из любопытства спрашиваю.

Сумирэ вздохнула: сколько же раз в жизни ей задавали этот вопрос? – и ответила:

– Ничего особо приятного в этом нет. Все думают одинаково: «Вот – абсолютно красивый мужчина. Просто чудо! А вот – его дочь, так, ничего особенного». И делают заключение: «Не иначе – какой-то атавизм».

Мюу повернулась к Сумирэ и, слегка выпятив подбородок, стала рассматривать ее лицо. Словно остановилась в музее перед понравившейся картиной, чтобы рассмотреть ее получше.

– Неужели вы и вправду все это время так считали? Как это неправильно! Вы – очень красивая девушка. Отцу-то уж точно не уступаете! – сказала Мюу. После чего протянула руку и как-то очень естественно коснулась пальцев Сумирэ. – Вы даже не знаете, насколько вы обаятельны.

Лицо Сумирэ запылало. Сердце громко забилось в груди – словно обезумевшая лошадь понеслась бешеным галопом по деревянному мосту.

Они проговорили друг с другом весь остаток вечера, не замечая, что происходит рядом. Вокруг гудела свадьба. Люди вставали и произносили какие-то слова (должно быть, отец Сумирэ – тоже), да и еда, вроде, была вполне приличной. Но в памяти не осталось ни единого воспоминания. Что ела – рыбу, мясо? Как ела – демонстрируя хорошие манеры, пользовалась вилкой с ножом или хватала пищу руками и облизывала тарелки? В памяти – полный провал.

Они говорили о музыке. Сумирэ обожала классику и еще в детстве любила копаться в пластинках, которые собирал отец. Музыкальные вкусы Мюу и Сумирэ во многом совпадали. Обе любили фортепианную музыку и считали, что значительнее 32-й сонаты Бетховена для этого инструмента ничего не написано. А запись этой сонаты в исполнении Вильгельма Бакхауза, выпущенная компанией «Декка», его трактовка – безусловно образец для подражания, великолепная игра, которой нет равных. И при этом в трактовке Бакхауза столько счастья, столько радости жизни!

А произведения Шопена, записанные еще в эпоху моно, особенно скерцо в исполнении Владимира Горовица – без сомнения, они просто «thrilling»[9 - Thrilling (англ.) – волнующий, захватывающий.]. Прелюдии Дебюсси у Фридриха Гульды прекрасны и полны юмора. А Григ – как он хорош у Гизекинга, какую вещь ни возьми. Прокофьев, когда его играет Святослав Рихтер – здесь есть рассудительная сдержанность и потрясающая глубина моментальных слепков настроения, почему и стоит слушать их очень внимательно. А Ванда Ландовска и сонаты Моцарта для фортепиано в ее исполнении – в них так много теплоты и бережного отношения к произведению: непонятно, почему критики не оценили эту работу пианистки по достоинству.

– А чем ты сейчас занимаешься в жизни? – спросила Мюу, когда закончилась музыкальная часть их разговора.

Сумирэ объяснила:

– Я бросила институт, иногда подрабатываю понемногу в разных местах, а вообще-то пишу роман.

– Какой роман? – поинтересовалась Мюу.

– В двух словах сложно объяснить.

– Ладно, – сказала Мюу. – А какие книги тебе нравятся?

– Все перечислить просто невозможно. Вот в последнее время главным образом читаю Джека Керуака, – ответила Сумирэ. После чего как раз и завязался тот самый разговор о «спутнике».

Если не считать несколько легких вещей, прочитанных от нечего делать, Мюу почти совсем не брала в руки романов.

– Никак не могу избавиться от мысли, что все в этих книгах ненастоящее, вымышленное, поэтому персонажи не вызывают у меня никаких чувств, – объяснила она. – Всегда так было. – Поэтому ее чтение ограничивалось книгами, в которых реальность описывалась как реальность. То есть почти все, что читала Мюу, было нужно ей для работы.

– А чем вы занимаетесь? – спросила Сумирэ.

– Моя работа в основном связана с другими странами, – ответила Мюу. – Почти тринадцать лет назад мне по наследству досталась торговая компания, которой руководил отец. Сама-то я готовилась стать пианисткой, но отец умер от рака, у мамы было слабое здоровье, да и по-японски она не говорила достаточно свободно, брат еще учился в школе, а я была старшим ребенком в семье. Вот и пришлось поневоле стать ответственным лицом компании, заняться ее делами. К тому же у нас было несколько родственников, чья жизнь напрямую зависела от фирмы, поэтому я не могла просто взять и свернуть бизнес. – Словно поставив точку в рассказе, Мюу коротко вздохнула. – Раньше компания отца по большей части импортировала из Кореи сушеные продукты и лекарственные травы, но сегодня мы работаем с более широким ассортиментом. Вплоть до деталей компьютеров. Формально и сегодня главой компании числюсь я, но все дела ведут мой муж и младший брат, так что мне вовсе не нужно сидеть там с утра до ночи. И сейчас я больше занимаюсь собственным бизнесом, вне компании.

– Каким?

– В основном – импорт вин. Ну, иногда еще разные музыкальные проекты. Все время курсирую между Европой и Японией. Ведь в моем бизнесе все движется и пульсирует, только если сам вкладываешь много усилий. Наверное, поэтому я

умудряюсь одна работать вполне на равных с лучшими торговыми компаниями на рынке. Нужно столько времени и сил, чтобы наладить свою сеть, поддерживать бизнес на должном уровне. Впрочем, как иначе… – После этих слов Мюу, будто вспомнив о чем-то, подняла глаза на Сумирэ. – Кстати, ты говоришь по-английски?

– Ну, разговорная речь – не мой конек, говорю я так себе, но все же могу. А вот читать люблю.

– А как у тебя с компьютером?

– Не очень. Я привыкла к «вапро», но если подучиться, наверно, справлюсь и с компьютером.

– Водить умеешь?

Сумирэ покачала головой. Однажды, еще на первом курсе, она попыталась поставить отцовский «вольво-универсал» в гараж и въехала задней дверцей в столб. После чего практически не касалась руля.

– Ну хорошо. А какая разница между «знаком» и «символом»? Ты могла бы это объяснить, составив текст примерно в двести печатных знаков?

Сумирэ взяла с коленей салфетку, промокнула губы и положила ее обратно. К чему она все-таки клонит? Непонятно.

– Знак и символ?

– О, в моем вопросе нет никакого особого смысла. Это просто так, для примера.

Сумирэ снова покачала головой:

– Не имею ни малейшего понятия.

Мюу улыбнулась.

– Если можно, я хотела бы лучше узнать, что ты умеешь. Скажем, что у тебя лучше всего получается? Ну кроме того, что ты читаешь много книг и слушаешь много музыки.

Сумирэ аккуратно положила нож с вилкой на тарелку и, хмуро уставившись в некое пространство над столом, начала вслух рассуждать о себе.

– Что мне хорошо удается? Легче перечислить, чего я не умею. Готовить не умею, уборка – тоже не мое. В вещах всегда бардак, и вообще я их моментально теряю. Музыку люблю, но петь мне противопоказано – тотальное отсутствие слуха и голоса. Руки растут не из того места: забить ровно гвоздь – выше моих сил. Еще у меня топографический кретинизм, и я вечно путаю «право» и «лево». Когда злюсь, обычно что-нибудь уничтожаю: бью тарелки, ломаю карандаши, будильники. Потом, конечно, жалею, но когда на меня находит, то находит по полной, и тут ничего не поделаешь. Сбережений – никаких. Незнакомых людей я стесняюсь, почему – сама не знаю, и друзей у меня почти нет. – Сумирэ ненадолго умолкла, после чего продолжила: – Однако я могу очень быстро, вслепую набрать текст на «вапро». Ничем особо серьезным, кроме свинки, никогда не болела, хоть я и не очень спортивная. Потом странно: я почему-то в ладах со временем и пунктуальна – во всяком случае, на встречи почти никогда не опаздываю. Мне все равно, что есть: к пище я равнодушна. Телевизор не смотрю. Бывает, хвастаюсь по мелочам и почти никогда не оправдываюсь. Примерно раз в месяц у меня ноют и деревенеют плечи, тогда я маюсь со сном, но вообще-то сплю хорошо. Месячные у меня проходят легко. В зубах нет ни одной дырки. И еще я вполне прилично говорю по-испански.

Мюу подняла взгляд.

– Ты говоришь по-испански?

Старшеклассницей Сумирэ провела месяц в Мехико, у своего дяди, который работал там в торговой компании. Решив, что это хорошая возможность выучить испанский, она после месяца усиленных занятий неплохо его освоила. В институте Сумирэ тоже занималась испанским.

Мюу держала бокал за ножку и тихонько поворачивала его пальцами – будто закручивала винт в каком-то механизме.

– Что если тебе немного поработать у меня? Как ты на это посмотришь?

– Поработать? – Не совсем понимая, какое выражение лица лучше соответствует такой ситуации, Сумирэ на всякий случай решила остаться привычно хмурой. – М-м… Вообще-то, за всю жизнь я ни разу по-настоящему не работала и даже толком не знаю, как отвечать по телефону. Раньше десяти утра в общественный транспорт я не сажусь. Мне кажется, что изъясняюсь я вполне понятно для окружающих, но вот выразить мысль вежливо и учтиво – тут уж увольте, не умею.

– Все это меня абсолютно не смущает, – просто сказала Мюу. – Кстати, как у тебя завтра со временем? Ты днем свободна?

Сумирэ машинально кивнула. Что тут особо раздумывать: уйма свободного времени – ее основной капитал.

– Хорошо, тогда, может, пообедаем вместе? Я закажу столик где-нибудь неподалеку, в спокойном месте, – сказала Мюу. Официант принес новую бутылку красного вина и наполнил чистый бокал. Мюу внимательно рассмотрела вино на свет, вдохнула его аромат и, смакуя, медленно сделала первый глоток. Все эти манипуляции были проделаны с изяществом, доведенным до автоматизма, и очень походили на экспрессивную каденцию в исполнении глубокого, вдумчивого пианиста, который годами оттачивал свое мастерство.

– Встретимся – вот и поговорим. Сегодня – нет работе, я хочу отдыхать. Хм… кстати, это «бордо» совсем не плохое, правда, не пойму, откуда оно.

Сумирэ стерла с лица хмурость и решилась спросить напрямую.

– Но мы ведь с вами только что познакомились, и вы обо мне практически ничего не знаете…

– Да. Наверное, так и есть, – согласилась Мюу.

– Так почему вы решили, что я могу быть для вас полезной?

Мюу покручивала в бокале вино.

– Я уже давно определяю человека по лицу, – ответила она. – Проще говоря, мне понравилось твое лицо. Как оно меняется. Очень понравилось.

Сумирэ вдруг перестало хватать кислорода. Она почувствовала: соски под одеждой отвердели. Почти машинально Сумирэ схватила стакан и одним глотком выпила оставшуюся воду. Тут же из-за ее спины появился официант с лицом хищной птицы и снова наполнил его. Льдинки, падая, позвякивали, но до смятенного сознания Сумирэ звуки доносились, как из бочки, словно глухие стоны грабителя, заточенного в пещере.

«Я люблю этого человека. Точно. (Лед, как и должно быть, – холодный, розы, как и прежде, – красные.) И любовь меня куда-то уносит. Но вытащить себя из этого мощного потока невозможно. Ни единого шанса. Кто знает, вдруг несет меня в совершенно особый, неизведанный мир. А может, это – опасное место. И там уже притаилось нечто (некто?…), и оно глубоко, смертельно ранит меня. Наверное, я потеряю все, что имею. Но пути назад уже нет. Остается лишь одно – довериться потоку. Пусть даже такой человек – “Я”, сгорит в нем дотла, навсегда исчезнет, пусть».

Ее предчувствие – сейчас-то я это понимаю – сбылось на сто двадцать процентов.

2

Сумирэ позвонила мне ровно через две недели после этой свадьбы, в воскресенье, еще до рассвета. Разумеется, я дрых, как старая наковальня. Всю неделю у меня был сплошной вынужденный недосып, поскольку я готовил всякие нужные (то есть на самом деле абсолютно бессмысленные) бумажки для одного собрания, которое на меня повесили. Поэтому я собирался в выходные наконец отоспаться. И тут раздался этот звонок. Еще затемно.

– Спал? – словно изучая ситуацию, осведомилась Сумирэ. – Угу, – тихо простонал я и машинально бросил взгляд на будильник у изголовья. Я точно знал, что у будильника огромные стрелки, густо покрытые люминесцентной краской, но почему-то никак не мог разобрать цифр. Изображение, которое воспринимала сетчатка, не состыковывалось с той частью мозга, что должна была его принять и обработать. Как у старушки, которая никак не может вдеть нитку в иголку. С трудом до меня дошло, что вокруг еще кромешная тьма и примерно то время суток, которое Скотт Фицджеральд окрестил некогда часом «потемок человеческой души».

– Скоро уже рассвет.

– Угу, – обессиленно буркнул я.

– Рядом с моим домом живет один человек, он держит кур и петухов – наверное, с тех времен, когда Окинаву еще не вернули[10 - Окинава – префектура Японии, включающая 120 островов, была возвращена под юрисдикцию Японии в 1972 г. До 1972 г. в соответствии с Сан-Францисским мирным договором 1951 г. над Окинавой сохранялась опека США.]. Скоро они начнут кукарекать – где-то через полчаса, а может, и раньше. Если честно, это мое самое любимое время. Когда ночь еще темная-темная, небо на востоке начинает потихоньку светлеть, и тут петухи – будто это их личная месть кому-то – как начнут кукарекать что есть мочи. У тебя поблизости есть петухи?

На этом конце провода я слегка покачал головой.

– Я звоню из телефонной будки около парка.

– Угу, – отреагировал я. Это где-то в двухстах метрах от ее дома. У Сумирэ не было телефона, и обычно она ходила звонить к этой будке. Самая обычная телефонная будка – обычнее не бывает.

– Слушай, это ужасно, что я тебе звоню в такое время.

Мне правда неловко. Даже петухи еще молчат. Одна только несчастная госпожа Луна – вот на тебе! – еще болтается в восточном уголке неба. Напоминает изношенную почку. Все это верно, конечно, но ведь чтобы тебе позвонить, пришлось тащиться сюда ночью, в кромешной тьме. Зажать в ручонке

телефонную карточку – и вперед! Да, кстати, мне эту карточку подарили на свадьбе кузины. На ней еще фотография: молодые держатся за руки. Ты вообще-то представляешь себе, каково переться сюда среди ночи? Удовольствие ниже среднего. Я даже носки перепутала: у меня тут один носок с Микки-Маусом, а другой – просто шерстяной. В моей комнате такой кавардак, где что лежит – ума не приложу. Только между нами, мои трусы – это нечто. Жуть, какие страшные. Даже специалист по кражам нижнего белья бы на такие не позарился. Если меня в таком виде прикончит какой-нибудь маньяк, моя душа вряд ли когда-нибудь успокоится – ворочаться мне в гробу до скончания века. Конечно, я не требую от тебя сочувствия, но все-таки неужели ты не можешь воспроизвести своим ртом что-нибудь более членораздельное? Кроме вот этих бесчувственных междометий – «м-м» и «угу»? Ну хотя бы союзы? Да, что-нибудь типа: «все же» или «тем не менее»…

– Однако, – сказал я. Я дико устал, и, по правде сказать, у меня не было сил даже на то, чтобы видеть сон.

– Од-на-ко! – повторила Сумирэ. – Что ж, ничего. Хоть какой-то прогресс. Маленький шажок вперед, но все же…

– Ладно, у тебя ко мне какое-то дело?

– Вот-вот. Я хочу, чтобы ты объяснил мне одну вещь. Потому и звоню, – сказала Сумирэ. Слегка откашлялась и продолжила: – Скажи, в чем разница между «знаком» и «символом»?

У меня возникло странное ощущение: будто внутри моей головы медленно-медленно движется некая процессия.

– Ты не могла бы повторить вопрос?

Она повторила:

– В чем разница между «знаком» и «символом»?

Я сел в кровати и переложил трубку из левой руки в правую.

– Так, значит ты хотела узнать разницу между «знаком» и «символом», поэтому позвонила мне. В воскресенье утром, до рассвета. Хм-м…

– В четыре пятнадцать, – уточнила она. – А что делать, если это меня беспокоит? Какая вообще может быть разница между «знаком» и «символом»? Один человек задал мне такой вопрос несколько дней назад. Я сначала начисто об этом забыла, но тут собиралась лечь спать и, когда раздевалась, вдруг снова вспомнила и сон вовсе пропал. Ты не мог бы все-таки объяснить это – разницу между «знаком» и «символом»?

– Ну, например… – произнес я и уставился в потолок. Даже когда мое сознание в нормальном состоянии, объяснять что-либо Сумирэ с точки зрения логики – тяжелая работа. – Император – символ Японии. Это понятно, да?

– Более-менее, – сказала она.

– «Более-менее» не пойдет. Так на самом деле записано в Конституции Японии, – сказал я насколько мог спокойно. – Можешь возражать или сомневаться, но, если ты не примешь это как некий факт, мы не сможем двигаться дальше.

– Ладно, согласна. Ты доволен?

– Спасибо. Итак, повторяю снова. Император – символ Японии. Однако это не означает, что император и Япония эквивалентны друг другу. Понимаешь?

– Не понимаю.

– Смотри, это как дорожный знак – стрелка, обозначающая одностороннее движение. Император – символ Японии, однако Япония – не символ императора. Понимаешь, нет?

– Думаю, что да.

– Но если, например, написать так: «Император – знак, обозначающий Японию», эти понятия станут равнозначны. То есть, если мы произносим «Япония», это означает то же, что и «император», а если произносим «император» – это означает как раз «Японию». Более того, получается, что оба эти понятия

взаимозаменяемы. «Поскольку а = б, то и б = а» – то же самое. Вот в двух словах, что такое «знак».

– То есть ты хочешь сказать, что император и Япония взаимозаменяемы? И что – такое возможно?

– Да ну нет же, не так! – Я в отчаянии замотал головой по эту сторону трубки. – Просто я стараюсь как можно проще объяснить разницу между «символом» и «знаком». На самом деле я вовсе не собирался менять местами императора и Японию. Это всего лишь такой способ объяснения.

– Хм… – произнесла Сумирэ. – Кажется, до меня дошло. Как образ. В сущности, разница такая же, как между односторонним и двусторонним движением, да?

– Наверно, у специалистов есть более точное определение. А если хочешь найти такой образ, чтобы стало понятно сразу, думаю, твое сравнение вполне сойдет.

– Я всегда удивляюсь, как классно ты умеешь все объяснять.

– Вообще-то, работа у меня такая, – сказал я. Мои слова, непонятно отчего, прозвучали как-то плоско и невыразительно. – Тебе самой бы разок поработать учителем начальной школы – точно бы пригодилось. Каких только вопросов ни задают. «Почему Земля не квадратная?», «Почему у кальмара десять щупальцев, а не восемь?» Сейчас я могу так или иначе ответить практически на любой вопрос.

– Должно быть, ты хороший учитель.

– Кто знает, – сказал я. Кто знает…

– Кстати, почему у кальмара десять щупальцев, а не восемь?

– А не пора ли мне снова поспать? Правда – я устал. Держу сейчас трубку – будто каменную стену подпираю. В одиночку. А стена еще чуть-чуть – и рухнет.

– Да… – сказала Сумирэ и на мгновение примолкла. (Так, прямо перед тем, как промчится поезд на Петербург, пожилой сторож на переезде с глухим

переливчатым стуком опускает шлагбаум.) – Звучит как-то по-дурацки, но, если честно, я влюбилась.

– Хм… – Я вернул телефонную трубку из правой руки в левую. В трубке слышалось дыхание Сумирэ. Что я должен сказать на это – ни малейшего представления. И как уже часто случалось со мной в подобных ситуациях, я взял и ляпнул: – Но не в меня же?

– Не в тебя, – ответила она. Я услышал щелчок дешевой зажигалки: Сумирэ прикурила. – Ты как сегодня, свободен? Я хотела бы встретиться и поговорить.

– О том, что ты в кого-то влюбилась – не в меня, правильно я понял?

– Да, – подтвердила Сумирэ. – О том, что я ужасно влюбилась.

Я прижал трубку плечом и вытянулся на кровати.

– Вечером я свободен.

– Тогда в пять у тебя, – сказала Сумирэ. И затем, словно подумав, добавила: – Спасибо тебе большое.

– За что?

– За то, что ты ни свет ни заря так по-доброму отвечал на мои вопросы.

Я пробубнил в ответ что-то невразумительное, повесил трубку и выключил свет. За окном еще было совершенно темно. Перед тем как заснуть снова, я задумался, говорила ли мне Сумирэ «спасибо» когда-нибудь раньше – хотя бы раз. Уж один раз, наверное, говорила, но когда – я вспомнить не мог.

Сумирэ пришла ко мне чуть раньше пяти. Увидев ее, я не сразу понял, что это Сумирэ: она совершенно поменяла стиль. Короткая стрижка, челка, падающая на лоб, еще чуть ли не со следами ножниц. Поверх темно-синего платья с короткими рукавами накинут легкий кардиган; туфли – черные лаковые, на среднем каблуке. И даже колготки. Колготки? Я не сильно разбираюсь в женской

одежде, но, похоже, все, что было на Сумирэ, стоило прилично. В таком наряде она выглядела красивее и элегантнее, чем раньше. Не могу сказать, что новый стиль ей не шел, напротив – Сумирэ абсолютно гармонично в него вписалась. Хотя, если сравнивать, я больше любил ее прежний несуразный облик. Но это, конечно, дело вкуса.

– Неплохо, – оглядев ее с головы до пят, заключил я. – Вот только не знаю, как бы к этому отнесся Джек Керуак.

Сумирэ улыбнулась – как-то иначе, изысканнее.

– Пошли погуляем?

Вместе мы отправились к станции по Дайгаку-доори. Зашли в наше кафе – мы частенько там бывали раньше. Сумирэ, как обычно, заказала кофе и пирожное «Монблан». Апрель был на исходе, стоял ясный воскресный вечер. Перед входом в цветочные лавки красовались крокусы и тюльпаны. Мягкий ветер нежно теребил юбки молоденьких девушек и нес с собой пьянящий запах юных деревьев.

Я закинул руки за голову и наблюдал, как Сумирэ медленно, однако жадно поглощает свой «Монблан». Из маленьких колонок на потолке мурлыкала старая боссанова: «Возьми меня в Аруанду», – пела Аструд Жилберто. Я закрыл глаза: чашки звякают о блюдца, а мне слышится шелест далекого прибоя. Аруанда… Интересно, что это за место[11 - Аруанда – загробное царство в «умбанде», одном из афрохристианских культов Бразилии, который возник в Латинской Америке в 1904 г. Корнями этот толерантный культ восходит к индуизму и включает в себя почитание католических святых, африканских божеств и верования бразильских индейцев. В мажорной песенке «Take Me To Aruanda» американская певица бразильско-германского происхождения, композитор, художник, одна из выдающихся исполнительниц боссановы Аструд Жилберто (р. 1940) просит забрать ее в Аруанду, где «алмазный песок, золотое солнце, серебряные звезды над холмами, много рыбы, куча времени, чтобы только и делать, что мечтать, где никто ни о чем не беспокоится, никто никуда не спешит, сплошная легкая жизнь, нет никаких печалей, и там ждет тебя рай».]?

– Ты все еще хочешь спать?

– Да нет, уже не хочу, – сказал я, открыв глаза.

– Ну как ты вообще?

– Отлично. Как река Молдау ранней весной.

Сумирэ некоторое время рассматривала пустую тарелку от «Монблана». Затем подняла взгляд на меня.

– Скажи, ты удивлен, что я так одета?

– Ну… в общем, да.

– Я эти вещи не покупала. Да у меня и денег таких нет. Тут много всего приключилось…

– Можно, я догадаюсь, что именно? Не против?

– Ну давай, интересно.

– Итак, ты в своем обычном зачуханном джек-керуаковском виде стояла в каком-то общественном туалете с сигаретой в зубах и тщательно мыла руки. И тут влетает хорошо одетая женщина ростом где-то 155 сантиметров и, не успев еще отдышаться, с трудом произносит что-нибудь вроде: «Умоляю вас, поменяемся одеждой. Полностью, здесь же, пожалуйста. Не могу долго объяснять, но за мной гонятся мерзкие типы. Я хочу от них скрыться. Вот только бы одежду сменить. Какое счастье, что у нас одинаковые фигуры!» Я нечто подобное видел в гонконгских боевиках.

Сумирэ рассмеялась:

– И туфли у нее были как раз двадцать второго размера, а платье – седьмого[12 - Эти размеры в России соответствуют скорее детским, чем взрослым, – 33-й обуви и 38-й одежды.]. Чистая случайность.

– Итак, в этом же самом туалете и состоялся обмен одеждой, включая трусы с Микки-Маусом.

– У меня не трусы с Микки-Маусом, а носки!

– Без разницы, – сказал я.

– Н-да… – произнесла Сумирэ. – А знаешь, ты довольно близок к истине.

– Насколько близок?

Сумирэ наклонилась ко мне над столом.

– Это длинная история. Хочешь послушать?

– Вот интересно – «хочу ли я послушать»? А ты чего пришла? Наверно, чтобы мне рассказать всю эту историю, или как? Пусть даже она длинная до безобразия – выкладывай, чего уж тут. Да, если помимо основной темы там заготовлена еще увертюра и «Танец блаженных теней» – я не возражаю, пожалуйста, их тоже до кучи.

И она принялась рассказывать. О свадьбе кузины, об их совместном ланче с Мюу в Аояма. В общем, это действительно была довольно длинная история.

3

На следующий день после свадьбы, в понедельник, шел дождь. Начался заполночь и лил, не переставая, до рассвета. Мягкий, ласковый дождь пропитал весеннюю землю влагой до черноты и легонько растормошил притаившихся в ней безымянных существ.

«Я снова увижу Мюу», – от этой мысли душа Сумирэ заходилась и трепетала. Чем-то заняться не получалось: все валилось из рук. Будто она стоит на вершине

холма, и ветер обдувает ее со всех сторон – такое вот чувство. Сумирэ села за стол, закурила. Как обычно, включила «вапро». Ждала, уставившись на экран, – ни единой фразы. Представить, что такое с ней может случиться, было просто невозможно. Плюнув на эту затею, Сумирэ выключила «вапро» и улеглась в своей комнатке на пол. Так и лежала – с незажженной сигаретой в зубах, бесцельно блуждая по собственным мыслям.

«Я снова буду разговаривать с нею. От одного этого сердце замирает. А вдруг мы простимся и больше никогда не увидимся – не то чтобы какая-то особая причина, а просто так – тогда что? Тяжко мне будет – вот тогда что, никто и не сомневается. Получается, эта красивая, ухоженная, взрослая женщина вызывает во мне такое восхищение? Да нет же, здесь что-то другое. – Сумирэ отвергла эту мысль. – Я хочу быть рядом с нею, хочу, чтобы моя рука постоянно касалась ее тела. Не слишком это похоже просто на восхищение».

Сумирэ вздохнула, какое-то время рассматривала потолок, потом закурила. «Все-таки странная вещь: в двадцать два года впервые в жизни я по-настоящему влюбляюсь и совершенно случайно – в женщину».

Мюу заказала столик в ресторане, примерно в десяти минутах пешком от станции метро Омотэ-сандо. Новичку найти его было совсем не просто, да и внутрь попасть – тоже: ресторан явно не из тех, куда можно забежать по дороге и перекусить. Даже название его никак не запоминалось с первого раза. У входа Сумирэ назвала имя Мюу, и ее проводили в маленький отдельный кабинет на втором этаже. Мюу была уже там – пила минеральную воду «Перье» со льдом и оживленно обсуждала меню с официантом.

На Мюу была синяя рубашка «поло», поверх нее хлопковый свитер того же цвета, узкие белые джинсы, в волосах – гладкая серебряная заколка. На столе в углу лежали ярко-синие солнечные очки, на стуле – ракетка для сквоша и виниловая спортивная сумка «Миссони». Наверное, отыграла днем несколько сетов и встретилась с Сумирэ по дороге домой. На щеках Мюу еще играл легкий румянец. Сумирэ представила, как Мюу в спортивном клубе стоит под душем и смывает с себя пот, а мыло у нее – с каким-то невероятным запахом.

Когда Сумирэ вошла – как обычно, в своем пиджаке в елочку, штанах цвета хаки, с волосами, торчащими в разные стороны, как у сироты, – Мюу оторвала взгляд

от меню и ослепительно улыбнулась.

– Помнится, ты как-то призналась, что равнодушна к еде, так? Не возражаешь, если я закажу для нас что-нибудь на свой вкус?

– Конечно, нет, – ответила Сумирэ.

Мюу выбрала для себя и Сумирэ одинаковые блюда. Заказала свежую белую рыбу, обжаренную на углях, под зеленым соусом с грибами – это было основное блюдо. Правильно «подгоревшая» корочка филе выглядела очень красиво. Можно даже сказать – высокохудожественно, так она была изящна и убедительна. Рыбу дополняли немного ньокки из тыквы, а также листья цикория, очень изысканно разложенные на тарелке. На десерт подали крем-брюле, который ела одна Сумирэ. Мюу сделала вид, что его не замечает. Обед завершал кофе-эспрессо. «Видимо, она очень внимательно относится к тому, что ест», – предположила Сумирэ. Шея Мюу была тонкой, как стебелек, на теле – ни грамма лишнего жира. Вряд ли она сидела на диете. Скорее всего, некогда решила для себя строго и без малейшего компромисса следить за тем, что ест. Совсем как спартанцы, отрезанные от мира в крепости на горном перевале.

За обедом Мюу и Сумирэ разговаривали как-то обо всем сразу и ни о чем конкретно. Мюу хотела узнать побольше о самой Сумирэ, о ее детстве и задавала много вопросов, на которые Сумирэ честно и добросовестно отвечала. Об отце, маме, о школах, в которых училась (и которые так и не полюбила), о премии, полученной на конкурсе сочинений (велосипед и энциклопедия), о том, как она бросила институт, о своей нынешней жизни. Никаких особо захватывающих событий там не было. Однако Мюу слушала историю ее жизни, буквально затаив дыхание, словно то был рассказ о стране с удивительными нравами и обычаями, где она ни разу не была.

Самой Сумирэ хотелось бы узнать как можно больше о Мюу. У нее скопилась целая куча вопросов, но Мюу, похоже, не очень любила говорить о себе.

– Моя жизнь? Да это неинтересно, – улыбнулась она. – Лучше я тебя послушаю.

Обед заканчивался, а Сумирэ по-прежнему почти ничего не узнала о ней. Мюу лишь рассказала об отце, который значительную сумму денег, заработанных в

Японии, подарил родному городку на севере Кореи и построил для жителей несколько прекрасных зданий. В благодарность по сей день там на площади стоит бронзовый памятник ему.

– Это маленький горный поселок. Может, потому, что я была там зимой, но место с самого первого взгляда показалось мне страшно унылым. Красновато-коричневые скалы, по склонам – кривые, согнутые деревья. Я была еще маленькой, когда отец взял меня туда с собой – как раз на открытие памятника. Там живет много наших родственников, все они собрались, принялись плакать и обнимать меня. Я хорошо помню: они мне что-то говорят и говорят, а я не понимаю ни слова, и только ужас в душе. Для меня этот городок был просто местом в незнакомой чужой стране.

– А этот памятник – он какой? – спросила Сумирэ. Среди ее знакомых не было ни одного человека, кому воздвигли бы памятник.

– Самый обычный, бронзовый. Даже можно сказать – «типовой». Таких по всему миру полно. Но вот когда твой собственный отец превращается в бронзовый памятник – это довольно странно. Представь, приезжаешь в Тигасаки, а там на площади перед вокзалом стоит памятник твоему отцу. Как бы ты себя чувствовала? Правда, все-таки странно? Мой отец в жизни был маленького роста, а став бронзовой статуей, превратился в величественного гиганта. Увидев его, я тогда подумала: «Все в этом мире выглядит совсем не так, как оно есть на самом деле». Мне было всего пять лет.

Сумирэ подумала: «Наверно, в бронзе отец смотрелся бы скромнее, чем в жизни, не так возмутительно эротично. Так-то он, конечно, очень хорош, и даже слишком».

– Я хотела бы продолжить наш вчерашний разговор, – начала Мюу, когда им принесли по второму эспрессо. – Ну как, ты не против у меня поработать?

Сумирэ хотелось курить, но пепельницы она не обнаружила и пришлось ограничиться глотком холодной «Перье». Она постаралась ответить очень искренне.

– Поработать… А конкретно что нужно будет делать? Кажется, я уже говорила, что раньше занималась только простой физической работой, а нормальной у

меня еще ни разу не было. Да и приличной одежды ходить на работу нет. То, в чем я была на свадьбе, – не мои вещи, я их одолжила у одной знакомой.

Мюу невозмутимо кивнула. Казалось, нечто подобное она и ожидала услышать.

– Что ты за человек, я, в общем, уже поняла по твоим рассказам и думаю, что ты без проблем справишься с той работой, которую я хочу тебе предложить. Остальное не так важно. Важно только одно: хочешь ты работать со мной или нет. Просто подумай: «да» или «нет».

Сумирэ начала отвечать, тщательно подбирая слова:

– Я очень рада получить такое предложение, но сейчас для меня самое важное – все-таки написать роман. Из-за этого я даже бросила институт…

Мюу посмотрела Сумирэ прямо в лицо. Та кожей почувствовала этот спокойный взгляд, и лицо ее запылало.

– Могу я честно сказать, что думаю?

– Конечно. Все, что угодно.

– Только, наверное, тебя это расстроит.

Сумирэ плотно сжала губы, давая понять, что она готова к худшему, и посмотрела Мюу в глаза.

– Сейчас ты вряд ли способна написать что-то стоящее, даже если просидишь за письменным столом целую вечность, – сказала Мюу спокойно, однако твердо. – У тебя есть талант. Уверена, когда-нибудь ты обязательно напишешь прекрасную вещь. Я не просто так говорю, я искренне, всем сердцем так чувствую. В тебе есть какая-то природная мощь, я это вижу. Но сейчас еще не время. Ты не готова. Чтобы распахнуть эту дверь, силенок пока не хватает. Да ты и сама это ощущаешь, не так ли?

– Время и опыт, – подытожила Сумирэ. Мюу улыбнулась:

– Так что сейчас давай-ка поработаем вместе. Думаю, так будет лучше. Но если ты почувствуешь, что время пришло, без стеснения все бросай и пиши себе романы, сколько душе угодно. Ты же по характеру не очень шустрая и смекалистая – в смысле быстроты реакции. Ты из тех, кому, чтобы раскрыть себя, реализовать свои способности, нужно гораздо больше времени, чем другим. Ну, допустим, исполнится тебе двадцать восемь, а получаться ничего еще не начнет, помощи от родителей больше не будет, и ты станешь нищей – замечательно. Да, наверное, придется поголодать немного, зато какой опыт для писателя…

Сумирэ попыталась что-то сказать и уже открыла рот, но с голосом случилось что-то непонятное, и она лишь молча кивнула. Мюу протянула руку на середину стола.

– Дай мне руку.

Сумирэ подчинилась. Мюу взяла ее руку в свою, словно стараясь укутать ее ладонью. Теплой и гладкой.

– Не надо так волноваться. Ну же, перестань хмуриться. Все у нас с тобой получится, вот увидишь.

Сумирэ проглотила слюну. Кое-как постаралась расслабить напряженные мышцы лица. Стало казаться, что под этим прямым пристальным взглядом Мюу все ее существо начинает потихоньку съеживаться. Еще немного, и она вообще может исчезнуть, словно кусочек льда, умирающий на солнце.

– Со следующей недели добро пожаловать ко мне в офис на работу. Три раза в неделю – понедельник, среда и пятница. Можешь приходить к десяти и уходить в четыре. Тогда не будешь попадать в часы пик, правильно? Много платить не смогу, но и работа не такая тяжелая, а в свободное время сможешь читать, я не возражаю. Единственное, о чем попрошу, – два раза в неделю заниматься с преподавателем итальянским. Поскольку ты говоришь по-испански, выучить итальянский будет достаточно легко. И еще я прошу тебя в свободное время практиковаться в разговорном английском и вождении. Ну как, справишься?

– Думаю, что да, – ответила Сумирэ. Но голос ее прозвучал так, будто вместо нее говорил совершенно посторонний человек, который к тому же находился в

другой комнате. Неважно, попросят меня о чем-то или прикажут что-то сделать, – сейчас я на все, не раздумывая, отвечу «да».

Не меняя позы, не отнимая руки, Мюу смотрела прямо в глаза Сумирэ. В глубине ее совершенно черных зрачков Сумирэ видела собственное четкое отражение. Ей стало казаться, что там, по ту сторону, – ее душа, которую засосало в зеркала. Сумирэ очень нравилось и в то же время очень пугало это ее отражение.

Мюу улыбнулась, и в уголках ее глаз появились очаровательные морщинки.

– Пойдем ко мне домой. Я хочу тебе кое-что показать.

4

В свои первые летние каникулы в институте я один отправился путешествовать по Хокурику[13 - Хокурику – название района в центральной части западного побережья Японского моря, включающего в себя четыре префектуры: Тояма, Исикава, Фукуи, Ниигата.] – просто так, без особой цели. В поезде познакомился с женщиной. Она тоже путешествовала одна и была старше меня на восемь лет. Мы вместе провели одну ночь. Чем-то это было похоже на историю в начале «Сансиро»[14 - «Сансиро» – роман (1908) Сосэки Нацумэ (Кинноскэ Нацумэ, 1867–1916). Начинается с того, что двадцатитрехлетний Сансиро впервые в жизни едет в Токио, чтобы поступить в университет, и в поезде знакомится с привлекательной женщиной. Они вместе выходят на конечной станции, и женщина просит проводить ее до гостиницы. На этом сходство с романом заканчивается, поскольку, в отличие от нашего героя, Сансиро, оказавшись со своей попутчицей в одном номере, выстраивает между ними на матрасе баррикаду из простыни и проводит ночь, стараясь ни в коем случае к ней не прикоснуться. На следующее утро при расставании женщина с усмешкой говорит ему: «А вы – робкий».].

Женщина работала в отделе валютных операций одного токийского банка. Когда ей удавалось взять отпуск, она всегда в одиночку отправлялась путешествовать, прихватив с собой несколько книг.

– Путешествовать с кем-то – сплошная нервотрепка, – объяснила она.

Эта женщина обладала совершенно удивительной притягательностью, и я не мог понять, с чего это вдруг она заинтересовалась мною – долговязым, молчаливым восемнадцатилетним студентиком. Но, казалось, она прекрасно себя чувствовала, сидя напротив и непринужденно болтая обо всякой безобидной ерунде. Много и громко смеялась. Да и я сам, что редко со мной бывает, что-то ей беззаботно рассказывал. Случайно оказалось, что мы оба выходим в Канадзаве[15 - Канадзава – административный центр префектуры Исикава на северо-западе от Токио.].

– У вас есть, где остановиться? – спросила она.

– Нет, – ответил я (в то время я никаких мест для ночлега заранее не бронировал), и тогда она сказала, что у нее есть номер в гостинице, где мы можем остановиться вместе.

– Вы не беспокойтесь. Один или два человека – без разницы, платить одинаково.

Я никак не мог расслабиться, поэтому в первый раз секс у нас получился каким-то дерганным и неуклюжим. За что я, собственно, и попросил прощения.

– О, мы так галантны! Пустяки, не стоит извиняться, – сказала она.

Женщина, выйдя из душа, накинула халат, достала из холодильника две банки холодного пива, одну протянула мне.

Выпив половину своей, она вдруг спросила, словно внезапно о чем-то вспомнила:

– Ты водишь машину?

– Вожу, – ответил я.

– Как водишь – хорошо?

– Недавно получил права, так что еще не очень. Средне.

Она улыбнулась.

– Я тоже. Мне-то самой кажется, что я классно вожу, но вот окружающие так не думают. Скорее всего, я тоже вожу так себе. Скажи, среди твоих знакомых есть, наверно, такие, кто водит машину, – просто супер?

– Да.

– А есть и другие, кто так здорово не умеет, да?

Я кивнул. Она медленно отпила еще один глоток и немного подумала.

– Наверное, такие вещи в какой-то степени – все-таки от рождения. Можно даже сказать, талант. Есть люди, у которых все ловко получается, а есть и другие, у которых руки не из того места растут… В то же время среди тех, кто нас окружает, есть внимательные люди, а есть и не очень. Ведь так?

Я снова кивнул.

– Вот представь на секунду: тебе нужно отправиться с кем-то на машине в далекое путешествие. И вам придется сидеть за рулем по очереди. Ты бы кого выбрал – классного водителя, но не очень внимательного человека или же того, кто водит машину не очень хорошо, зато внимательный? Какой тип тебе ближе?

– Пожалуй, второй, – ответил я.

– И мне, – сказала она. – Вот и в этом деле то же самое: умелый или нет, искусный или не очень – это вовсе не так уж важно. Мне кажется. Самое главное – быть внимательным. Спокойно, без суеты и внимательно вслушиваться во все и вся, что тебя окружает.

– Вслушиваться? – спросил я.

Она только улыбнулась и ничего не сказала. Чуть позже мы снова занялись сексом, и на этот раз все было удивительно спокойно, приятно, и души наши тоже сплетались воедино.

Я стал понемногу понимать, как это – «внимательно вслушиваться». Тогда я впервые в жизни увидел, какой может быть женщина, когда ей по-настоящему хорошо в постели.

На следующий день мы вместе позавтракали и расстались. Каждый отправился своей дорогой – она продолжила свое путешествие, я свое. Перед тем как проститься, она сообщила, что через два месяца выходит замуж за своего сослуживца.

– Он очень хороший человек, – улыбнулась она. – Мы уже пять лет вместе и вот, наконец, решили пожениться. Вряд ли я смогу в ближайшее время путешествовать одна. Пожалуй, это последний раз.

Я был молод и считал, что такие яркие приключения в жизни случаются сплошь и рядом. То, что это далеко не так, я осознал уже значительно позже.

Эту историю я рассказал Сумирэ когда-то очень давно. Почему – толком и не припомню. Может, когда у нас зашел тот самый разговор о половом влечении? Наверное. У меня вообще такой характер: спроси меня в лоб о чем-нибудь – я, как правило, и выложу честно все как есть.

– Так в чем все-таки суть рассказа? – спросила меня тогда Сумирэ.

– Быть внимательным – вот в чем. Да, скорее всего, так, – ответил я. – Не судить обо всем заранее, злобно бубня себе под нос: «Это будет так, а то – этак». В любой ситуации нужно просто вслушиваться в то, что тебя окружает – непредвзято, искренне, а еще – держать душу и мысли нараспашку.

– Хм… – произнесла Сумирэ. Она, похоже, прокручивала в голове эпизод моего небольшого сексуального приключения. Наверняка обдумывала, как бы втиснуть его в свой роман. – Да уж, ты много испытал всякого разного.

– Ничего такого всякого разного я не испытывал, – попытался возмутиться я. – То, что я испытал, произошло совершенно случайно.

Слегка покусывая ногти, она ненадолго ушла в свои мысли.

– И все-таки что нужно сделать, чтобы стать «внимательным»? Вот наступает критический момент, когда решаешь: «Все, здесь и сейчас становлюсь внимательным, вслушиваюсь!» – но ведь в один миг ничего путного не получится, правда? Объясни, пожалуйста, конкретнее. Какой-нибудь пример, а?

– Прежде всего надо успокоиться. Как? Ну, например… можно считать.

– Что дальше?

– М-м… Неплохо задуматься об огурцах, которые летом, где-то после полудня, лежат в холодильнике. Это я так говорю, конечно, только для примера.

– Постой-ка, – начала Сумирэ после небольшой паузы, – ты что, когда занимаешься сексом, всегда думаешь об огурцах, которые летним днем лежат в холодильнике?

– Не всегда.

– Иногда?

– Иногда, – ответил я.

Сумирэ скорчила недовольную гримасу и несколько раз покачала головой.

– Ты… да-а, ты еще страннее, чем кажешься с виду.

– Все люди в чем-то странные, – сказал я.

– Тогда в ресторане, когда Мюу держала мою руку и пристально смотрела мне в глаза, я только и делала, что думала об этих огурцах. «Успокойся! Вслушивайся!» – говорила я себе.

– Об огурцах?

– Разве не помнишь? Огурцы из холодильника летним днем – ты же мне сам говорил когда-то.

– А-а, вот ты о чем, – вспомнил я тот наш разговор. – И что, помогли тебе огурцы?

– Вполне, – сказала Сумирэ.

– Ну и отлично, – сказал я.

Сумирэ продолжала:

– Дом, в котором живет Мюу, – совсем недалеко от ресторана, можно пешком дойти. У нее замечательная квартира – правда, не очень большая. Хорошая солнечная веранда, растения в горшках, итальянский кожаный диван, колонки «Боуз», несколько гравюр, на стоянке припаркован «ягуар». Там живет она одна. Их общий с мужем дом – где-то в районе Сэтагая, и в конце недели она туда возвращается. А большую часть времени живет одна в этой квартире в Аояма[16 - Сэтагая – район Токио, считается довольно престижным из-за своей близости к центру столицы. Аояма – район Токио, где сосредоточено множество модных бутиков, художественных и антикварных галерей, музеев, маленьких кафе в парижском стиле.]. Как ты думаешь, что она мне показала?

– Любимые сандалии Марка Болана из змеиной кожи в стеклянной коробке. Бесценное наследие, без которого история рок-н-ролла была бы неполной. Ни единая чешуйка не утрачена, посреди подошвы – автограф самого Болана. Фанаты мрут от зависти.

Сумирэ нахмурилась и вздохнула.

– Если б ты изобрел автомобиль, работающий на дурацких шутках, ты смог бы упилить на нем довольно далеко.

– М-м… видишь ли, в мире вообще есть такая проблема, как истощение извилин. Можешь списать на это, – скромно сказал я.

– О'кей, хватит шуток, давай теперь думай серьезно. Итак, что мне там показали? Если угадаешь, счет мой – плачу я.

Я откашлялся и сказал:

– Тебе показали эту великолепную одежду, в которой ты сейчас. А еще сказали: «Носи ее на здоровье, и в ней – милости просим – приходи на работу».

– Угадал, – сказала Сумирэ. – Оказалось, у Мюу есть подруга, с которой у нас почти одинаковые фигуры. Она богатая, и у нее одежды накопилось – просто жуть сколько. Все-таки наш мир – довольно странное место. В нем живут люди, у которых столько вещей, что уже ни в какой шкаф не влезают. А есть такие, как я, у которых носки надеты черт знает как – правый с левым вечно из разных пар. Ну да ладно, шут с ним. Так вот, Мюу отправилась к своей подруге и притащила оттуда целую охапку лишних вещей для меня. Если присмотреться получше, видно, что они уже чуточку немодные, но с первого взгляда это не очень заметно, правда?

– Я бы ничего не понял, сколько бы ни всматривался, – сказал я. Сумирэ улыбнулась, видимо, довольная моим ответом. – Размер классно подошел, просто невероятно. И платья, и блузки, юбки – все. Только в талии чуть великовато, но если с поясом – вообще нет проблем. С обувью тоже повезло: у меня нога почти такая же, как у Мюу, так что она мне отдала несколько пар, которые не носит. На высоком каблуке, на низком, летние сандалии. Все – с итальянскими именами. Да, еще я получила сумку в придачу. И немного косметики.

– Ну прямо «Джейн Эйр», – сказал я.

Вот так и случилось, что Сумирэ три раза в неделю стала ходить на работу в офис Мюу. В костюме или платье, надев туфли на каблуке, с легким макияжем, она садилась в электричку в час пик и ехала от Китидзёдзи до станции Харадзюку[17 - Китидзёдзи, Харадзюку – районы Токио. Дорога Сумирэ на работу даже в час пик занимает чуть больше двадцати минут, а по токийским понятиям это небывалая роскошь.]. Сумирэ в первой половине дня ездит на общественном транспорте! Что-то из ряда вон выходящее.

Помимо служебного кабинета в компании, которая находилась в Акасака, у Мюу был еще небольшой личный офис в Дзингумаэ[18 - Дзингумаэ – район Токио, граничит с районом Аояма.]. Там стояли два письменных стола – ее и помощника (то есть Сумирэ), имелись сейф для бумаг, факс, телефон и ноутбук – вот и все

имущество. К единственной комнате – словно для оправдания, что все-таки это квартира – были добавлены малюсенькие кухня и ванная. Правда, еще хватило места для CD-плейера, небольших колонок и дюжины дисков с классической музыкой. Квартира находилась на третьем этаже, окнами на восток. Из них был виден маленький парк. Первый этаж здания занимал салон мебели из Северной Европы. Здание стояло несколько в стороне от больших улиц, так что шум города до него практически не доносился.

Приходя в офис, Сумирэ поливала цветы и включала кофеварку. Прослушивала автоответчик и проверяла электронную почту. Когда поступали новые сообщения, Сумирэ их распечатывала и складывала на стол Мюу. В основном почта была на английском или французском – от зарубежных компаний или торговых агентов. Когда приносили обычные письма, она вскрывала конверты и явно ненужное выбрасывала. В течение дня бывало по несколько звонков, некоторые – из-за границы. Сумирэ записывала имя, номер телефона, по какому поводу звонили, а затем передавала Мюу всю информацию по ее мобильному телефону.

Мюу обычно появлялась в офисе где-то между часом и двумя. Проводила там примерно час, давала Сумирэ всяческие поручения, пила кофе, говорила по телефону. Когда нужно было подготовить письменный ответ, Мюу диктовала его, а Сумирэ набирала текст на «вапро» и посылала электронной почтой или по факсу. В основном – краткие деловые письма. Также Сумирэ записывала Мюу к косметологу, заказывала для нее столики в ресторанах или арендовала время на кортах для сквоша. После того как с делами было покончено, Мюу немного болтала с Сумирэ о том о сем и снова куда-то уезжала.

Сумирэ оставалась дежурить в офисе одна. Часами там не появлялось ни одной души, с кем было бы можно перекинуться хоть парой слов, но ей совершенно не было грустно или скучно. Сумирэ повторяла материал своих итальянских уроков, на которые начала ходить дважды в неделю. Учила спряжения неправильных глаголов, слушала кассеты, стараясь запомнить произношение. Осваивала компьютер и уже могла самостоятельно справиться с не очень сложными проблемами. Она просматривала файлы, которые хранились на жестком диске, и постепенно стала в самых общих чертах разбираться, что из себя представляет работа Мюу.

Мюу в общих чертах рассказала Сумирэ, чем занимается, когда они впервые встретились на свадьбе. Она заключала эксклюзивные контракты с небольшими

зарубежными винодельческими фирмами (в основном французскими), у которых закупала вино для токийских ресторанов и специализированных магазинов. Кроме того, иногда организовывала гастроли исполнителей классической музыки. Всю массу практических вопросов брали на себя крупные агенты, а Мюу разрабатывала общий план и готовила гастроли в самом начале. У нее был свой конек в этом деле: Мюу находила и раскручивала в Японии еще неизвестных молодых и талантливых музыкантов.

До какой степени этот «личный бизнес» Мюу был прибыльным, Сумирэ так и не поняла. Данные по финансам и управлению компанией хранились на другом диске, открыть который без пароля было невозможно. Но что там какие-то финансы, если она может видеть Мюу, говорить с нею? Уже от этого Сумирэ была на седьмом небе, и сердце ее заходилось от радости. «На этом стуле Мюу сидела, этой ручкой писала, из этой чашки пила кофе…» – думала Сумирэ. А чтобы выполнить какое-нибудь поручение Мюу, даже совсем пустячное, она буквально лезла из кожи вон, лишь бы сделать все хорошо.

Довольно часто Мюу приглашала Сумирэ куда-нибудь поесть вместе. Поскольку ее работа была связана с вином, она регулярно посещала известные рестораны – следует быть в курсе того, что может пригодиться в бизнесе. Мюу всегда ела белую рыбу (редко – курицу, да и то половина порции оставалась нетронутой), от десерта отказывалась. Она подробно изучала карту вин, заказывала бутылку, но сама выпивала только один бокал.

– Ты, пожалуйста, пей, сколько хочешь, – предлагала Мюу, но Сумирэ, что ни говори, осилить так много в одиночку не могла. Вот и получалось, что, как правило, больше половины бутылки дорогого вина так и оставалось на столе. Впрочем, Мюу это не слишком заботило.

– Мне кажется, так расточительно – заказывать для нас двоих целую бутылку, ведь мы и половины не выпиваем, – однажды попробовала высказать сомнения вслух Сумирэ.

– О, не беспокойся, – улыбнулась Мюу. Вино – такая вещь… Чем больше мы оставим, тем больше людей, которые здесь работают, смогут его попробовать: и соммелье со старшим официантом, и самый младший официант, который только подливает воду в стаканы. Так они все почувствуют вкус этого вина. Вот

почему заказывать великолепное вино и оставлять его недопитым – не такое уж бесполезное дело, а?

Мюу выбрала «Медок» 1986 года, изучила его цвет, потом – как в литературе мы обращаем внимание на стиль, а затем наслаждаемся самим произведением – вдумчиво и с разных сторон постаралась оценить достоинства вина.

– В любом деле самым полезным, в конце концов, оказывается то, через что ты сам прошел, за что заплатил собственные деньги. А не готовые знания, взятые из книг.

Сумирэ взяла в руку бокал, и, подражая Мюу, внимательно сделала один глоток, задержала вино на языке и только потом дала ему стечь вниз по стенкам горла. Еще чуть-чуть во рту оставалось чудесное послевкусие, но – всего несколько секунд, а затем бесследно пропало, как летним утром испаряется роса с листвы. Язык снова приготовился насладиться следующим кусочком пищи. Каждый раз, когда они вместе ели и беседовали, Сумирэ узнавала что-то новое для себя и очень искренне удивлялась: сколько на самом деле существует всего на белом свете, о чем она не имеет ни малейшего понятия.

– Мне раньше никогда не хотелось быть на кого-то похожей, – однажды решительно призналась Сумирэ – скорее всего, от вина: в тот раз она выпила чуть больше обычного. – Но сейчас я часто думаю: «Если бы я могла быть такой, как вы… Как было бы хорошо».

Мюу на секунду перестала дышать. Затем, словно опомнившись, взяла бокал и поднесла его к губам. Луч света упал на ее лицо, и на мгновение зрачки ее окрасились в глубокий темно-пурпурный цвет вина. Изысканная легкость, свойственная этому лицу, куда-то исчезла.

– Да, наверное, тебе этого не понять… – поставив бокал, тихо сказала Мюу. – Та, что сидит перед тобой, – ненастоящая я. Четырнадцать лет назад от меня настоящей осталась лишь половина. Как было бы хорошо, если бы мы встретились тогда. Я была еще настоящей, целой. Теперь что говорить об этом – поздно, ничего не изменишь.

Сумирэ просто лишилась дара речи. Ей бы сразу спросить, что случилось четырнадцать лет назад? Почему – «половина»? Какая такая «половина»?

Вопросы рвались наружу сами собой. А она не спросила. Так что после этого загадочного признания ее стало тянуть к Мюу еще больше. «Какая странная», – думала о ней Сумирэ.

Из обрывков повседневных разговоров Сумирэ удалось выудить некоторые подробности жизни Мюу. Муж ее был японец, на пять лет старше. Студентом два года стажировался на экономическом факультете Сеульского университета и свободно владел корейским. Человек мягкого и доброго нрава, он прекрасно справлялся со своими служебными обязанностями, а по сути – рулил компанией, принадлежавшей Мюу. И хотя, по большей части, бизнесом владела ее семья, никто из родственников Мюу не мог сказать о нем ни единого худого слова.

Еще в раннем детстве у Мюу проявился настоящий талант к игре на фортепиано. Ей и десяти лет не исполнилось, а она уже получила несколько высших премий на конкурсах юных музыкантов. Мюу поступила в музыкальный институт, где училась у одного знаменитого пианиста, и позже по его рекомендации стажировалась во французской Консерватории. В основном ее репертуар состоял из произведений поздних романтиков – Шумана, Мендельсона – и таких композиторов, как Пуленк, Равель, Барток, Прокофьев. Как исполнитель, Мюу владела главным – умела сочетать пронзительность эмоционального звучания с жесткой отточенной техникой. Уже со студенческих времен она выступала с концертами, и те получали хорошую критику. Перед ней открывалась ясная перспектива – стать концертирующей пианисткой. Однако во время ее зарубежной стажировки здоровье отца ухудшилось, она захлопнула крышку рояля и вернулась на родину. Больше рука ее ни разу не коснулась клавиш.

– Как же вы смогли так легко бросить музыку? – смущенно спросила Сумирэ. – Если вы не хотите об этом говорить – не надо. Мне просто кажется, это… как бы лучше сказать?.. немного странно, что ли. Ведь чтобы стать пианисткой, вам долго приходилось многим жертвовать, да?

Мюу спокойно ответила:

– Ради фортепиано я пожертвовала не многим, как ты сказала, а всем. Всем, что могло быть в моей жизни, пока я росла. Фортепиано требовало жертв – следовало отдавать ему кровь и плоть, все без остатка, и я не смогла сказать «нет». Ни разу.

– Неужели вам было не жаль все это бросить? Ведь оставалось сделать буквально один шаг…

Мюу посмотрела в глаза Сумирэ, будто сама искала ответ на этот вопрос. Глубокий взгляд, устремленный прямо в душу. Как в заводи у берега захлебываются воды стремительного течения, на самом дне этих глаз, устремленных на Сумирэ, сталкивались, бурлили немые потоки. Только Время могло успокоить воды и вернуть все на круги своя.

– Простите меня за вопрос. Я зашла слишком далеко, – извинилась Сумирэ.

– Да нет, что ты. Просто мне все еще тяжело говорить об этом.

И они больше не возвращались к этой теме.

Мюу запрещала курить в офисе и вообще не выносила, когда рядом дымили. Поэтому вскоре после того, как Сумирэ начала работать у Мюу, она твердо решила завязать с этой привычкой. Но элегантно, в одночасье бросить курить не выходило – ведь до этого она выкуривала по две пачки «Мальборо» в день. Месяц спустя она была похожа на зверька, у которого отрубили пушистый хвост: душевное равновесие, которое и раньше никак не было ей свойственно, покинуло ее начисто. И конечно же – что вполне естественно – она стала названивать мне по ночам.

– Не могу ни о чем другом думать, только о сигаретах. Заснуть не могу, а если засыпаю, вижу кошмары. Да, еще беда – запоры чертовы замучили. Книг читать не могу, писать – тем более, не единой строчки.

– Когда бросают курить, всегда так. Какое-то время – у кого-то больше, у кого-то меньше, – сказал я.

– Как это легко – рассуждать о других людях! – воскликнула Сумирэ. – Тем более тебе: сам-то ни одной затяжки в жизни не сделал.

– Если ты не можешь вот «так легко рассуждать о других людях», это значит, что мир вокруг тебя превратился в очень мрачное и опасное место. Вспомни лучше про Иосифа Сталина – что он творил.

На том конце провода Сумирэ погрузилась в бесконечную паузу. Тяжкое молчание – словно души погибших на Восточном фронте принесли его с собой.

– Алло! – подал я голос.

Сумирэ наконец отозвалась.

– Нет, по правде говоря, я не могу писать не только из-за того, что бросила курить. Конечно, и это причина, но не единственная. То есть, для меня это – как оправдание: «Я не могу писать, потому что мне нельзя курить, что ж, ничего не поделаешь». Так это выглядит.

– И поэтому ты злишься еще больше?

– Ну да, – вдруг послушно согласилась Сумирэ. Большая редкость. – И не только из-за того, что не могу писать. Больше всего меня угнетает другое: раньше я твердо знала, что писательство, само по себе, – это мое, а сейчас я в этом не уверена. Тут попробовала перечитать то, что написала совсем недавно, – жутко неинтересно, и что хотела сказать, в чем главная мысль – самой непонятно. Как будто издалека замечаешь грязные носки, которые только что стянули с ног и небрежно швырнули на пол. Такая вот несвежая картина, похоже на подгнившие овощи. Как подумаю, сколько времени и энергии я сознательно угробила, чтобы все это написать, так жить тошно.

– В таких ситуациях ты решаешь, что было бы неплохо позвонить кому-нибудь среди ночи, где-то после трех, чтобы «символично» пробудить этого кого-то от его мирного «знакового» сна.

Сумирэ спросила:

– Скажи, ты когда-нибудь сомневаешься, задаешь себе вопрос: «Правильно ли то, что я делаю сейчас или нет?»

– Для меня существует как раз очень мало вещей, в которых я не сомневаюсь.

– Правда?

– Правда.

Сумирэ постукивала ногтями по передним зубам – цок-цок-цок, словно каблучки по ночной пустынной улице. Задумываясь о чем-то, она так делала часто – одна из нескольких ее дурных привычек.

– Честно говоря, у меня таких сомнений раньше вовсе не было. Ну, конечно, я не настолько наивная дурочка, чтобы всегда быть уверенной в себе или собственном таланте. Хорошо понимаю: да, я еще не вполне сложившаяся, сырая личность и при том своенравная. Но чтобы когда-нибудь сомневаться в том деле, которое выбрала, – такого не помню. Я верила, что, в общем-то, двигаюсь правильно, пусть даже иногда и сбиваюсь с пути.

– Просто тебе раньше везло, – сказал я. – Только и всего. Это как долгий дождь сразу после посадки риса.

– Да, наверно.

– Однако в последнее время уже все не так.

– Да. В последнее время уже все не так. Временами на меня находит такое чувство, будто все, что я делала до сих пор, было неправильно, и мне страшно. Будто кругом – ночь, мне снится яркий сон, я вдруг просыпаюсь и какое-то время никак не могу понять, где же настоящая реальность. Вот такое чувство у меня сейчас. Понимаешь, о чем я?

– Думаю, что да, – ответил я.

– Наверно, никакого романа я уже не напишу. Последнее время часто об этом думаю. Что я такое? Всего лишь тупая девчонка, ничего не знающая о жизни. Такие вокруг кишмя кишат. К тому же – зацикленная на собственной персоне и мечтающая о чем-то несбыточным. Вот что я такое. Нужно скорее захлопнуть крышку рояля и уйти со сцены. Пока не поздно.

– Захлопнуть крышку рояля?

– В переносном смысле.

Я переложил трубку из левой руки в правую.

– Видишь ли, одну вещь я точно знаю. У тебя такой уверенности нет, зато у меня есть. Когда-нибудь ты напишешь прекрасный роман. Если прочесть то, что ты уже написала, это совершенно очевидно.

– Ты в самом деле так думаешь?

– Я всем сердцем так чувствую. Правда, – сказал я. – Разве в таких вещах я могу тебя обманывать? В твоих текстах есть много прекрасных, очень выразительных мест. Например, читая твое описание морского побережья в мае, я слышу ветер, чувствую запах моря, ощущаю нежное тепло солнца на своих руках. А когда ты пишешь о маленькой прокуренной комнате, в которой висит табачный дым, я на самом деле начинаю задыхаться от нехватки кислорода. Даже глаза режет. Так писать не каждому дано. В твоих строках есть жизнь, естественное течение, внутренняя сила. Твои слова как будто сами способны дышать и двигаться. Просто у тебя сейчас еще не выходит соединить одно с другим так хорошо, чтобы из этого получилось единое целое. Но это не повод взять и захлопнуть крышку рояля.

Сумирэ молчала секунд десять-пятнадцать.

– Это ты стараешься так меня утешить, приободрить что ли?

– Я тебя не утешаю и не приободряю. То, что я говорю, – убедительный, мощный факт.

– Как река Молдау?

– Как река Молдау.

– Спасибо, – сказала Сумирэ.

– Не за что, – ответил я.

– Иногда с тобой бывает жутко приятно. Как Рождество, летние каникулы и новорожденный щенок сразу вместе.

В ответ я промямлил нечто невразумительное – так всегда, если меня хвалят.

– Меня одно только иногда беспокоит, – сказала Сумирэ. – Вот возьмешь ты и женишься на какой-нибудь вполне достойной женщине, а меня совсем забудешь. И я не смогу тебе больше звонить, когда мне в голову взбредет, посреди ночи. Ведь так?

– Захочешь поговорить – позвонишь, когда светло.

– Нет, днем звонить неправильно. Ты ни-че-го не понимаешь.

– Это ты ни-че-го не понимаешь. Большинство человечества, когда светит солнце, работает, а ночью гасит свет и ложится спать, – возмутился я. Протест мой прозвучал так, как если бы кто-то посреди тыквенного поля промурлыкал себе под нос нечто пасторальное.

– Недавно я прочла в газете, – совершенно проигнорировала мои слова Сумирэ, – что у лесбиянок от рождения одна косточка в ухе по форме абсолютно отличается от такой же у обычных женщин. Маленькая косточка, названия не помню, какое-то мудреное. Выходит, что лесбийство – не приобретенная сексуальная ориентация, а генетическая особенность человека. Это открытие сделал американский врач. С чего он вдруг решил заняться такими исследованиями, ума не приложу, но как бы там ни было, после этой статьи я все время думаю о пустяковой косточке в ухе: интересно, а у меня она какой формы?

Я понятия не имел, что на это ответить, и потому промолчал. Словно плюхнули новую порцию масла на огромную сковороду – такой была эта не очень долгая пауза. Я спросил:

– Ты уверена, что испытываешь к Мюу половое влечение, да?

– На все сто процентов – да, – ответила Сумирэ. – Когда она появляется передо мной, эта косточка в ухе начинает легонько потрескивать. Как ветряные колокольчики из тонких ракушек. И я хочу, чтобы Мюу меня крепко обняла, а дальше – пусть все будет, как будет. Если это не половое влечение, тогда в моих жилах течет томатный сок.

– Хм… – изрек я. Что, интересно, я должен был ей сказать?

– Если задуматься с этой точки зрения о моей жизни, можно многое объяснить: почему меня не интересовал секс с мужчинами, почему я ничего не чувствовала, почему мне все время казалось, что я отличаюсь от других.

– Можно высказать собственное мнение? – спросил я.

– Конечно.

– Любая причина или логическое заключение, с помощью которых можешь невероятно легко все объяснить, – наверняка западня. Знаю по собственному опыту. Кто-то сказал: «Лучше вовсе не объяснять того, что можно объяснить с помощью одной-единственной книги». То есть я просто хочу сказать, чтобы ты не спешила так легко делать выводы.

– Я запомню, – сказала Сумирэ. И тут внезапно связь оборвалась.

Я представил, как она вешает трубку и выходит из телефонной будки. Стрелки часов показывали половину четвертого. Я пошел на кухню, выпил стакан воды, затем снова нырнул в постель и закрыл глаза. Сон все не шел. Я раздвинул занавески: белая луна, как умная сирота, молчаливо плыла по небу. Я понял, что вряд ли уже засну. Сварил крепкий кофе, придвинул стул поближе к окну, сел, съел несколько крекеров с сыром. Потом, читая книгу, стал дожидаться рассвета.

5

Пришло время рассказать немного и о себе.

Конечно, главный герой этой истории – Сумирэ, а вовсе не я. Но поскольку вы смотрите на Сумирэ моими глазами, узнаёте, что она была за человек, от меня, наверное, нелишне в какой-то мере пояснить, кто же такой я сам.

Впрочем, я всегда испытываю легкое замешательство, когда приходится говорить о себе. Сбивает с толку классический парадокс самой постановки вопроса – «Что есть “я”?» Если представить, сколько всякой правды о себе я знаю, понятно, что нет на свете такого человека, который мог бы поведать обо мне больше, чем я сам. Но когда я рассказываю о себе, то как рассказчик, естественно, провожу ревизию себя как объекта рассказа (это происходит в силу самых разных соображений – жизненных ценностей, степени восприимчивости, моих способностей как наблюдателя). То есть я выбираю: о чем говорить, о чем нет, даю себе определения, и получается нечто, обструганное со всех сторон. Вот и спрашивается, сколько в таком «я» остается объективной правды от меня настоящего? Это очень меня волнует. Всегда волновало.

Однако я заметил: у большинства человечества такой вопрос не вызывает какого-то особого страха или беспокойства. Когда выпадает шанс, люди откровенничают с поразительной легкостью. Говорят, например: «Я такой честный, прямой, у меня душа – нараспашку, до идиотизма доходит». Или же так: «Я легко раним, и мне поэтому непросто находить общий язык с людьми». А вот еще: «Я хорошо чувствую душу собеседника». Но сколько раз я видел, как этот «легкоранимый» человек от нечего делать, запросто причинял боль другим. А «прямодушный и открытый», сам того не замечая, пользовался самыми благовидными предлогами, только чтобы отстоять доводы, выгодные ему одному. Тот, кто «тонко чувствовал душу другого человека», попадался на откровенный подхалимаж и оказывался в дураках. Так что же на самом деле мы знаем о себе?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Повышенная средняя школа (или «школа второй ступени») – школа для 15–18-летних учеников. (Здесь и далее прим. перев.).

Переводчик выражает благодарность Юки Йосиока.

2

«Сиракаба» (яп. «белая береза», 1910–1923) – литературная группа, с деятельностью которой связаны имена писателей-неогуманистов Такэо Арисима, Наоя Сига, Санэацу Мусякодзи.

3

Реставрация Кэмму (1334) – восстановление единоличной императорской власти в Японии императором Го-Дайго после периода, когда реальная власть в стране принадлежала военному правительству, т. н. «бакуфу».

4

Тигасаки – город на побережье залива Сагами (Тихий океан) с населением более 200 тыс. чел. В сознании широкой японской общественности ассоциируется с

Калифорнией, как о ней пела группа «Mamas & Papas»: яхты, серфинг и прочие радости сладкой жизни. Сам залив Сагами часто называют «восточный Майами-бич».

5

«Вапро» (от искаж. англ. word processor) – персональный компьютер с единственной функцией текстового редактора. В настоящее время не выпускаются.

6

Мусасино – город в префектуре Токио.

7

Сумирэ (яп.) – фиалка.

8

Morning coat (англ.) – сюртук для утренних визитов.

9

Thrilling (англ.) – волнующий, захватывающий.

10

Окинава – префектура Японии, включающая 120 островов, была возвращена под юрисдикцию Японии в 1972 г. До 1972 г. в соответствии с Сан-Францисским мирным договором 1951 г. над Окинавой сохранялась опека США.

11

Аруанда – загробное царство в «умбанде», одном из афрохристианских культов Бразилии, который возник в Латинской Америке в 1904 г. Корнями этот толерантный культ восходит к индуизму и включает в себя почитание католических святых, африканских божеств и верования бразильских индейцев. В мажорной песенке «Take Me To Aruanda» американская певица бразильско-германского происхождения, композитор, художник, одна из выдающихся исполнительниц боссановы Аструд Жилберто (р. 1940) просит забрать ее в Аруанду, где «алмазный песок, золотое солнце, серебряные звезды над холмами, много рыбы, куча времени, чтобы только и делать, что мечтать, где никто ни о чем не беспокоится, никто никуда не спешит, сплошная легкая жизнь, нет никаких печалей, и там ждет тебя рай».

12

Эти размеры в России соответствуют скорее детским, чем взрослым, – 33-й обуви и 38-й одежды.

13

Хокурику – название района в центральной части западного побережья Японского моря, включающего в себя четыре префектуры: Тояма, Исикава, Фукуи, Ниигата.

14

«Сансиро» – роман (1908) Сосэки Нацумэ (Кинноскэ Нацумэ, 1867–1916). Начинается с того, что двадцатитрехлетний Сансиро впервые в жизни едет в Токио, чтобы поступить в университет, и в поезде знакомится с привлекательной женщиной. Они вместе выходят на конечной станции, и женщина просит проводить ее до гостиницы. На этом сходство с романом заканчивается, поскольку, в отличие от нашего героя, Сансиро, оказавшись со своей попутчицей в одном номере, выстраивает между ними на матрасе баррикаду из простыни и проводит ночь, стараясь ни в коем случае к ней не прикоснуться. На следующее утро при расставании женщина с усмешкой говорит ему: «А вы – робкий».

15

Канадзава – административный центр префектуры Исикава на северо-западе от Токио.

16

Сэтагая – район Токио, считается довольно престижным из-за своей близости к центру столицы. Аояма – район Токио, где сосредоточено множество модных бутиков, художественных и антикварных галерей, музеев, маленьких кафе в парижском стиле.

17

Китидзёдзи, Харадзюку – районы Токио. Дорога Сумирэ на работу даже в час пик занимает чуть больше двадцати минут, а по токийским понятиям это небывалая роскошь.

18

Дзингумаэ – район Токио, граничит с районом Аояма.

Купить: https://tellnovel.com/ru/haruki-murakami/moy-lyubimyy-sputnik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить